

Виктория Утам

Книга 2

Консильерита

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Игры закончились.
Началась охота.

18+

Консьєрита. Книга 2

Викторія Утам

Консьєрита. Книга 2

«Автор»

2026

Утам В.

Консильерита. Книга 2 / В. Утам — «Автор»,
2026 — (Консильерита. Книга 2)

Мир азиатских чеболей, где власть измеряется миллиардами, а преданность — готовностью стать разменной фигурой в чужой игре. Кан Тэ-хён, бывший офицер спецназа, совершил роковую ошибку. Он нарушил субординацию и посягнул на неприкосновенную женщину — исполнительного советника конгломерата «Синджин Групп». Напуганная его неуправляемой силой, она безжалостно вышвырнула его на обочину жизни. Пока Тэ-хён пытается пережить ярость на дне душного сеульского переулочка, за спиной Линны уже зреет масштабный заговор, а Патриарх империи больше не верит своей лучшей ученице. Ей предстоит смертоносный раунд битвы в стеклянных лабиринтах чужого мегаполиса, где за каждым углом прячется предательство. Дороги назад нет, но когда ставки взлетают до предела, старые секреты возвращаются. Кто из них хищник, а кто — жертва в этой новой игре?

© Утам В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Принятие	7
Глава 2. Гонконг	23
Глава 3. Переговоры	36
Глава 4.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктория Утам

Консильерита. Книга 2

Пролог

Ночной Сеул задыхался от собственной плотности, и выцветший оранжевый тент уличной забегаловки, забившийся в узкую щель между безликими стеклянными высотками, казался единственным убежищем от этого бетонного пресса. Внутри пахло раскалённым на старой плитке кунжутным маслом, дешёвым алкоголем и едким паром от бурлящего чана с рыбными отварами.

Пространство под брезентом было крошечным до клаустрофобии: низкие, шаткие пластиковые табуреты, липкие от многолетнего жира столы и одинокая голая лампочка под потолком, которая качалась от сквозняка, швыряя по углам рваные, грязные тени. Этот тесный, прокуранный полумрак жил по своим законам, отрезанный от остального мира тонкими стенами из плотного полиэтилена.

А прямо за провисшим брезентом, всего в паре шагов, ворочался безразличный многомиллионный гигант. Внутрь просачивался лишь глухой, утробный гул мегаполиса — шуршание шин по влажному июньскому асфальту, далёкий вой сирен и глухой рокот надземной эстакады метро. Сквозь мутные, исцарапанные пластиковые окна палатки Сеул казался размытым и чужим: фары пролетающих мимо такси резали темноту неоновыми вспышками, а гигантские медиафасады небоскребов заливали улицу холодным, фальшивым светом, который бессильно увязал в душливой ночной духоте.

Хозяйка уже готовилась к закрытию, лениво смахивая грязным полотенцем крошки прямо на затоптанный пол, когда в проходе появилась молодая женщина. Высокая для кореянки, она обладала странной, нездешней и глубокой, чуть уставшей красотой. Темно-русые волосы были стянуты в тугий высокий хвост, а узкие потёртые джинсы и водолазка ярко-красного цвета резко разрезали полумрак забегаловки.

Женщина замерла на мгновение, давая глазам привыкнуть к тени после неоновой уличной света, и принялась шарить взглядом по опустевшему залу. Хозяйка смерила гостью равнодушно-недовольным взглядом, сделала какие-то свои выводы и махнула в сторону дальнего угла, под самое пластиковое окошко:

— Вы к этому? Долго же вас несло. Я уж думала в полицию звонить. Дружок-то его давно сбежал, а этот... Прогнать бы в шею, да одет слишком прилично, связываться не хочется.

Не говоря ни слова, женщина прошла между пустыми табуретами. За указанным столом сидел мужчина, пьяно уткнувшись щекой в согнутую руку. Она резко тронула его за локоть:

— Вставай, Кан Тэ-хён. Пошли.

— А-а?.. — протянул тот, перекачивая голову на другую сторону и болезненно щурясь на яркую водолазку. — Ты кто?.. — И вдруг его лицо расплылось в глупой, блаженной улыбке. — Лин-на-я... Ты всё-таки пришла...

— Не смей меня так называть, — отрезала она, и в голосе звякнул лёд. — Вставай. Не тащить же мне тебя на себе.

Чтобы ускорить процесс, она жёстко ткнула его коленом в бок. Кан Тэ-хён лишь глухо, невнятно застонал, но даже не попытался подняться.

Пришлось ей всё-таки взваливать его себе на плечо.

Какой бы высокой и крепкой она ни была, под весом крупного мужчины она едва не согнулась вдвое. С трудом удерживая равновесие, она попыталась заставить его переставлять ноги и не наваливаться всем телом, но Тэ-хён лишь пьяно икнул. Обхватив её за плечи, он уткнулся носом в тёмно-русую макушку и шумно втянул воздух.

— М-м, Лин-на... — промычал он, обдавая её запахом соджу. — А ты знаешь, что я... я, кажется, тебя люблю... люблю...

Язык не слушался, и он так и не смог выговорить последнее слово.

— Дурак ты, Кан Тэ-хён, — с какой-то особенной, злой печалью выдохнула женщина и потащила его к выходу. У самого бордюра, тускло поблёскивая в свете фонарей, их уже поджидало такси с заведённым мотором.

На пороге Тэ-хён умудрился обернуться. Неуклюже взмахнув свободной рукой, он крикнул в глубину палатки:

— Спасибо, аджумма!..

— Тьфу на тебя, — махнула полотенцем старуха. — Напился же, бедолага... Хоть бы девку свою пожалел.

— Она не моя, — промямлил Тэ-хён, пока женщина тащила его через тротуар к такси. — Но она мне нравится. Что бы там Пан-сок ни говорил... я люблю её больше, чем он свою.

— Дурачье... Любите-то вы одну и ту же, — проворчала вслед уходящей паре хозяйка, но её слов уже никто не услышал.

Тяжёлая брезентовая штора за их спинами захлопнулась, разом отрезав душный кокон забегаловки от холодного сияния ночного Сеула.

Пожилая хозяйка устало опустилась на низкий пластиковый табурет, положив серую от жира тряпку на колени. Сил убирать не было. В голове до сих пор крутился пьяный, яростный спор, который двое ночных посетителей вели тут битый час — глупый спор о том, чего на самом деле хотят женщины.

— Эх, мужчины, мужчины... — с горечью прошептала она в пустой зал. — Какие же вы дураки. Не нужны нам ни герои, ни спасатели, ни мешки с деньгами. Эта твоя Лин-на, может, и сама себя спасти способна. Да только с чем она останется, когда спасётся?

Женщина обвела обречённым взглядом своё заведение.

— Придут, наобещают всего, хвост распушат, а потом ищи-свищи их. А баба одна кукует. А мы ведь этого до смерти боимся. — Она вздохнула. — Не подвиги твои ей нужны. Ты приди, обними её и скажи вместо этого привычного «люблю»: «Я здесь. И я с тобой. Даже если не ждёшь».

Старуха со стоном распрямила натруженную спину и поплелась за стойку. Кроме неё эту грязь никто не разгребет. А завтра наступит новый день, и к ней снова придут точно такие же горестные пьяницы, заливать соджу и макколи своё уязвлённое эго.

Снаружи глухо хлопнула дверца машины, и такси плавно влилось в неоновый поток сеульских улиц.

На заднем сиденье Тэ-хён глубже уткнулся носом в красное плечо женщины. Его губы едва шевелились, а дыхание обжигало ей шею, когда он едва слышно прошептал в полузабытьи:

— Я здесь... И я не уйду. Даже если ты меня не ждёшь.

Глава 1. Принятие

— Я здесь... И я не уйду, — едва слышно простонал Тэ-хён.

— Да здесь я, здесь, — раздался над головой мягкий, но уверенный голос. — Десятый раз уже спрашиваешь.

Чья-то ладонь в его руке дрогнула, пытаясь высвободиться. Он попытался удержать её — слабо, жалко, но пальцы не слушались. В затуманенном мозгу забился тревожный звоночек: что-то было не так. Не те интонации. Не тот ритм.

— Нет, — вдруг понял он, с трудом ворочая пересохшим языком. — Не «здесь я». А «я здесь». Я не уйду!..

— Конечно, не уйдёшь, — отозвалась она. — Ты же голову от подушки оторвать не можешь.

Голос был мучительно знакомым. Но не её.

Тэ-хён собрал остатки сил, пытаясь приподняться, но прохладные пальцы бережно, но настойчиво вернули его обратно. К горящему лбу прикоснулась влажная ткань — и пульсирующая боль в висках, словно неохотно отступив, начала стихать. В этот момент он готов был лежать так вечно: не двигаясь, не дыша. Любая попытка подумать отзывалась в теле противной тошнотой и ломотой.

От прикосновений женских рук становилось легче. Закрыв глаза, он по-детски прижался щекой к чужой ладони, отчаянно ища утешения.

— Как хорошо... Спасибо, что пришла.

— Тэ-хён, ты ведёшь себя как малолетка, — вздохнула она.

В этой привычной строгости и лёгкой хрипотце от недосыпа он наконец узнал Хан-ну. Тэ-хён резко открыл глаза и на этот раз уже не позволил уложить себя обратно.

— Ты?.. Что ты здесь делаешь?

— Вот блин, — фыркнула она, отворачиваясь к тазику с водой. — Так и знала, что всё закончится именно этим. Зачем пил, раз не умеешь? Да ещё и в одиночку.

— Я не один... С другом был, — пробормотал он, тщетно пытаясь склеить осколки вчерашнего вечера.

— А-а, с тем самым, который отвечал по твоему телефону? — съязвила Хан-на. — Приятный голос. И очень, знаешь ли, заботливый.

Тэ-хён на мгновение замер, переваривая информацию:

— Так это ты мне звонила?

И в эту секунду он почувствовал, как сердце рвётся пополам — от дикой смеси облегчения и резкой, выжигающей боли.

Преодолевая тошноту и тяжёлое вертиго, Тэ-хён сел. Бросил взгляд на телефон. В последних звонках значилось «Мой босс» — именно так у него была записана Хан-на.

Под ногами тускло поблескивали крашенные деревянные половицы. Он сидел на кожаном диване в холле её дома. Прямо перед ним были распахнуты французские двери, ведущие в сад, который казался умытым и обновлённым после ночной грозы.

Это была её личная крепость на окраине Сеула. Терраса во французском стиле, густой запах влажной земли и цветущего жасмина, и оглушительная тишина, в которой, казалось, можно расслышать, как раскрываются бутоны.

Вчера вечером звонила не Лин-на. Звонила Хан-на. Это ей Пан-сок ответил, когда у самого Тэ-хёна не хватило сил даже сдвинуть ползунок на экране.

— Зачем ты звонила? — спросил он, мучительно подавляя подступивший к горлу ком.

— Ты пропал. Ни звонков, ни сообщений — три недели тишины. Я начала беспокоиться, — Хан-на сидела в кресле напротив, как всегда спокойная и собранная.

Солнечный луч, пробившийся сквозь ажурную занавеску, замер у её ног, едва касаясь мысков простых домашних туфель. На ней были джинсы и свободная льняная рубашка цвета морской волны с небрежно закатанными до локтей рукавами.

Тэ-хён судорожно сглотнул, цепляясь за ускользящую мысль. Вчера она была в тех же самых джинсах. Но сверху была другая вещь. Тонкая водолазка красного цвета. «Ярко-красного, не бордового», — поправил он самого себя.

Как он мог так ослепнуть? Лин-на никогда, ни при каких обстоятельствах не носила ничего, кроме чёрного и вишнёвого. Это было её личным манифестом, её визитной карточкой. Как его воспаленный мозг вообще мог предположить, что гордая, недостижимая Лин-на снизойдет до того, чтобы собирать его, мертвецки пьяного, по дешевым уличным забегалкам? Идиот. Какой же он идиот...

Теперь он боялся посмотреть Хан-не прямо в глаза. Знал: она всё поняла, но опускаться до банального унижения или расспросов не станет. Тэ-хён буквально кожей чувствовал её взгляд — твёрдый и спокойный, без тени брезгливого осуждения или наигранного сочувствия. От этого становилось только хуже. Он отчаянно пытался вспомнить, что именно наговорил ей в беспамятстве.

— Я сильно буянил? — спросил он, прошупывая почву.

— Нет. Если не считать того, что мне пришлось тащить тебя через весь сад, а на пороге ты рухнул лицом в мой любимый розовый куст и сломал его.

Тэ-хён зажмурился и закрыл лицо руками. Комната снова качнулась, вертиго накатило с новой силой.

— Прости... Это ужасно.

Он бегло оглядел себя. Вчерашняя одежда была перепачкана землей, локоть ныл от тупой боли. И тут в памяти болезненной вспышкой всплыл кусок ночи: то, как он, шатаясь, навалился на женские плечи, абсолютно уверенный, что держится за Лин-ну. Всплыло то мимолетное, острое ощущение абсолютного счастья, которое оказалось фальшивкой.

— И больше ничего? — едва слышно прошептал он.

Хан-на не спеша закинула ногу на ногу и сцепила пальцы в замок на колене. Качнулась вперёд, словно взвешивая на невидимых весах, стоит ли продолжать этот разговор.

— Потом ты свалился на диван...

Тэ-хён едва заметно кивнул. Это хотя бы совпадало с его собственными обрывками воспоминаний.

— ...пытался поймать мою руку. Просил не уходить. Умолял просто посидеть рядом.

Внутри у Тэ-хёна всё сжалось в тугой холодный узел. Он замер, боясь дышать.

— И сказал, что любишь...

Она произнесла это тихо, почти шёпотом. Словно искренне боялась, что эти слова, сорвавшись с губ, могут взорваться и разнести к чертям их хрупкое утро.

Тэ-хён замер, боясь дышать. Память обожгла внезапным видением: вчера вечером Пансок взял его звенящий телефон и, криво усмехаясь, бросил в трубку: «Позаботьтесь о нём. Он вас так любит». Но Тэ-хён был уверен, что на том конце Лин-на!

— ... и... ты назвал меня Лин-ной.

Хан-на сделала паузу. Не ради драмы, а просто давая ему время проглотить эту дозу. Без гнева. Без дрожи в голосе. Она констатировала факт с холодным спокойствием врача, зачитывающего смертельный диагноз.

Тэ-хён почувствовал, как кровь отливает от лица, оставляя лишь онемелую маску. Изнутри опалило яростным, удушливым стыдом. Это не было банальной неловкостью. Это было предательство. Двойное, подлое предательство — по отношению к Лин-не, чье имя он

вывалил в пьяной грязи, и по отношению к Хан-не. К их чистой дружбе. К тому хрупкому доверию, которое они годами собирали по осколкам.

Сквозь щели между пальцами он смотрел на неё, теряя связь с реальностью. Сон это? Наказание за то, что позволил себе слабость? За то, что сорвал табу с имени, которое должно было остаться похороненным на самом дне памяти?

А Хан-на просто сидела напротив. Смотрела прямо, не мигая, не торопя события. Она знала: сейчас решает не то, что уже сказано, а то, что последует за этим. Одно неловкое движение, одна глупая ложь — и между ними снова вырастет глухая стена, которую они так долго и мучительно разбирали по кирпичику.

— Это та самая? — спросила она наконец, нарушив тишину. — Твой новый босс? Та, которую ты ещё месяц назад ругал на чём свет стоит?

Тэ-хён смолчал. Лишь уставился в пол, где на крашенных досках дрожали солнечные блики. Где-то в глубине сада беззаботно зачирикала птица, подчёркивая абсурдность момента. Внутри ворочалась мёртвая, сквозная пустота и билась одна-единственная мысль, острая, как игла: «Она не так, кого я люблю».

Но произнести это вслух было выше его сил. Не сейчас. Не ей.

Хан-на прочитала всё по его позе. Медленно кивнула — один-единственный раз. Ни тени удивления. Ни капли видимой горечи. Словно она с самого начала знала, что этот финал неизбежен.

Тяжёлое молчание повисло между ними, удушливое, как предрассветный туман над низиной. Ни один не шевелился. Ни один не решался поднять взгляд. Лишь лёгкий сквозняк лениво шевельнул ажурную занавеску у французских дверей, впуская в холл густой, приторный запах прогретой солнцем земли.

Хан-на медленно поднялась с кресла и подошла к окну. Замерла спиной к Тэ-хёну, упрямо скрестив руки на груди, словно защищая от внешнего мира что-то очень хрупкое внутри себя.

— Я когда-то пообещала себе, что больше никогда этого не допущу, — тихо произнесла она, глядя в залитый солнцем сад. — Не стану той, к кому приползают, когда паршиво. Кому звонят от глухого одиночества. Кто всегда под рукой, но никогда — на первом месте.

Тэ-хён зажмурился. Ему до боли хотелось выкрикнуть: «Ты всегда была для меня особенной!» Но смолчал. Понимал, что сейчас это прозвучит как жалкая попытка откупиться словами, как фальшивое искупление вины.

— Я ведь не собиралась ехать, — продолжала Хан-на, не оборачиваясь. — Дважды порывалась положить трубку. Но потом услышала голос твоего приятеля... и поняла, что, если останусь дома, ты так и будешь валяться на грязном полу в переулке. Совсем один. Это было бы... не по-человечески.

Наконец она повернулась. Её взгляд не был ни злым, ни жалостливым. Просто смертельно уставшим. И от этого — честным до судорог.

— Я больше не буду ничьим убежищем, Тэ-хён. Твоей тихой гаванью, где можно переждать шторм. Я хочу быть кем-то настоящим. Для тебя... или для кого-то другого.

Он сидел неподвижно, низко опустив голову. Сухой, тяжёлый пульс стучал где-то в самом горле, мешая дышать.

— Я сейчас сам ничего не понимаю, — хрипло выдавил он. — Не знаю, что это... любовь или дурацкая, больная зависимость. Но я знаю одно: когда я открыл глаза и услышал твой голос... мне впервые за всю ночь стало легче.

Хан-на горько и едва заметно улыбнулась — так тонко, что эта улыбка почти растворилась в утреннем свете.

— Это ничего не изменит, Тэ-хён, — тихо, но твёрдо отрезала она. — Пока ты сам не поймешь, кто ты есть без своей вечной боли, без подсознательной потребности кого-то винить или к кому-то бежать... Нам лучше вообще не встречаться.

Он молча кивнул. Принял её условия без единого слова спора.

— Я уйду, как только смогу твёрдо стоять на ногах, — пообещал он.

— Не торопись, — мягко отозвалась Хан-на. — Отлежись. Я сейчас сварю кофе, а потом уеду на работу. Уйдешь, когда окончательно отпустит. Ключ оставишь в вазоне с гибискусом.

Она ушла на кухню. Тэ-хён из холла наблюдал, как она привычно перемещается от шкафчиков к столу, от стола к плите. Слушал, как уютно поскрипывают половицы под её мягкими шагами, как шумит вода и начинает ворчать закипающая турка.

Хан-на ни разу не обернулась. Будто кожей чувствовала его тяжёлый взгляд и понимала: если сейчас обернуться и встретиться глазами, это хрупкое, вымученное равновесие разлетится вдребезги.

Сколько раз он сидел вот так же и думал, что именно в этом и заключается счастье? Тихое, незамутнённое, безопасное. Рядом с человеком, которому ничего не нужно доказывать. Который будет волочь тебя на себе сквозь грязь, зная, что в бреду ты назовешь её чужим именем. Который просидит у твоего дивана всю ночь, слушая пьяную исповедь. Не потому, что слаб и зависим. А потому что оказался намного сильнее собственного разочарования.

Так почему же прямо сейчас, глядя на неё, он задыхается от мыслей о другой?

Сердце оставалось глухо к голосу разума. Оно упрямо билось в такт совершенно другому имени, другому лицу и чужой, разрушительной боли.

* * *

На кухне загремела посуда, хлопнула дверца холодильника, а затем до холла донёсся тонкий, горьковатый аромат свежесваренного кофе. Хан-на поставила кружку на столик возле дивана и ушла. Дала ему передышку. Ушла, оставив его наедине со своим личным адом.

Тэ-хён снова откинулся на подушки и закрыл глаза. Проклятая головная боль не утихала, но теперь её заглушала другая, куда более страшная — память. Перед мысленным взором, точно кадры испорченной киноплёнки, закрутились события вчерашнего дня. Дня, когда его жизнь в очередной раз пустили под откос.

Роскошный кабинет Председателя конгломерата. Удушливый шлейф её дорогого парфюма. Его собственные ботинки, предательски тонущие в густом ворсе ковра...

Его вызвали туда как на расстрел. Формальным поводом послужила дурацкая потасовка у кофейного автомата — Тэ-хён тогда едва не размазал по стене Кима из службы безопасности, посмеявшегося распускать свой грязный язык. Но Тэ-хён стоял перед Патриархом империи навтыяжку не ради самооправдания. Он ждал её слова. Он защищал её честь.

А она... Она превратила его преданность в угрозу и расчётливо вышвырнула вон, обменяв на свой бронированный панцирь чеболей.

Мужское эго исходило глухой, уязвленной злостью. Его оскорбили. Растоптали. После всего, что между ними было, после той безумной ночи, когда их границы стёрлись в пепел, она посмела говорить с ним сухим, канцелярским языком рапортов. Его помыслы были чисты, его верность — абсолютна. За что же она выставила его чудовищем и банальным нарушителем дисциплины?

И вдруг сквозь эту слепую, обиженную гордость пробилась странная, колющая мысль.

Тэ-хён отчётливо вспомнил, как побелели костяшки её пальцев, когда она мёртвой хваткой вцепилась в подлокотники кресла. Как яростно сверкнули её зелёные глаза. Это был вовсе не тот взгляд, к которому он привык, — не ледяной, убийственный холод, с каким она обычно уничтожала врагов. Её глаза были слишком горячими. В них полыхал лихорадочный, болезненный огонь. Именно его Тэ-хён и пытался залить алкоголем в ночной палатке до полного беспомыслия.

Вчера он думал, что этот огонь был направлен на него, чтобы выжечь дотла. Но теперь понимал: нет. В её глазах плескался чистый, первобытный страх. Она словно сама горела изнутри. Так смотрит человек, которого загнали в угол.

Тэ-хён нахмурился, чувствуя, как привычная картина мира даёт глубокую трещину. Мужская гордость всё ещё не позволяла забыть унижение публичной пощёчины, но что, если в той дуэли первым спустил курок именно он? Что, если его «благородная» защита ударила по ней больше всех офисных сплетен? Он считал свои чувства бесценным даром, но для Лин-ны они могли стать тяжёлым, удушающим поводком, который она в панике попыталась перебить вместе с его карьерой.

Он ещё не понимал, как именно, но он её ранил. Своей искренностью, своей силой, своим упрямым отказом играть по правилам её фальшивого мира? Но это внезапное осознание обожгло его изнутри сильнее, чем палёная соджу вчера вечером.

Вслед за образом Лин-ны в раскалывающуюся голову пробились осколки вчерашнего разговора с Пан-соком.

Они притащились в ту грязную уличную палатку только потому, что Тэ-хёну жизненно необходимо было залить пожар в груди и растворить в алкоголе яд обиды. Он в любом случае пошёл бы нажираться в одиночку, но Пан-сок не бросил друга и увязался следом. Они не выбирали место — просто свернули в первый попавшийся переулок под оранжевый тент, куда Тэ-хёна повело волчье чутьё.

— Как ты умудрился так взбесить госпожу Лин-ну, что она аж маску свою безупречную потеряла? — спрашивал Пан-сок, до краев наполняя его рюмку прозрачной соджу.

— А разве в рапорте этого ублюдка Кима ничего не было? — буркнул Тэ-хён, остервенело прожёвывая острое кимчи.

Ему было физически неприятно слышать имя Лин-ны из чьих бы то ни было уст. Даже от Пан-сока. Едва покинув поместье, Тэ-хён жёстко приказал себе вычеркнуть эту женщину из мыслей. Всё, она в прошлом. И пускай внутри её имя до сих пор крутилось на повторе, как заезженная пластинка, упрямая гордость требовала сжечь мосты. Ушёл — значит отрезал.

— Нет, Ким написал только, что это был «бытовой конфликт на почве личной неприязни».

— Надо же. Значит, у этого слизняка осталась капля стыда, — Тэ-хён криво усмехнулся. — Да забудь. Неважно уже. Не хочу о ней ни вспоминать, ни думать. Прости... Я подставил тебя перед начальством.

Выпили. Горькая жидкость привычно обожгла горло.

— Что теперь делать думаешь? — Пан-сок внимательно посмотрел на него сквозь брезентовый полумрак.

— Не знаю. Вернусь в Пусан, к родителям. Буду искать новую работу.

— Только не вздумай опять наниматься грузчиком на склады, — хмуро бросил Пан-сок. — Хватит с тебя. Я лично прослежу, чтобы из Синджин тебе выдали чистую рекомендацию.

— Да не нужна мне никакая рекомендация! — Тэ-хён со стуком опустил рюмку на липкий пластик. — Тем более от неё.

— Да что, к чёрту, между вами произошло? Ты сделал ей что-то? — в голосе Пан-сока промелькнула странная, ревнивая нотка. — Она потом ещё полчаса с пеной у рта доказывала Председателю, что уволить тебя — единственно верное решение. Старик был против. Но она настояла. Намертво встала.

Тэ-хён издевательски фыркнул, будто и не сомневался в таком исходе:

— Вот у неё и спроси. Вы же с ней, кажется, на короткой ноге.

— Не на короткой... — Пан-сок на мгновение замялся, подбирая слова. — Просто я её уважаю. Она... она совсем не такая, как все думают.

— А какая? — взъерепенился Тэ-хён, полоснув друга предупреждающе острым взглядом. — Холодная? Бесчувственная? Самовлюбленная, запертая в своем хрустальном замке стерва?

— Да нет же! — Пан-сок аж подался вперёд. — Она душевная. Милая. И очень ранимая.

Тэ-хён с глухим сомнением уставился на приятеля, пытаясь поймать его в фокус сквозь хмельное марево:

— И где это ты умудрился увидеть её такой?

Пан-сок тут же отвёл взгляд, судорожно дёрнув желваками:

— Просто видел.

Тэ-хён отвернулся, мгновенно потеряв интерес к его отмазке. В груди по-прежнему кололась злая, ядовитая обида после дневного унижения. Рассудок упрямо гонял по кругу колкие ответы, которые он должен был бросить Лин-не в лицо прямо там, в кабинете. Должен был, но смолчал. А зря. Каким же он был дураком...

— Чего ей не хватало? — бормотал он себе под нос, полностью наплевав на присутствие друга. — Я ведь псом за ней ходил. Берёг каждую её тайну. Молча прикрывал спину. Что этим бабам вообще нужно?

Вопрос был риторическим, брошенным в темноту прокуренного тента. Но всколыхнувшийся алкоголь поднял со дна души старый ил. Все накопленные годами обиды на женщин разом полезли наружу. Вспомнилась Ын-ми, малодушно предавшая его в самый чёрный момент его жизни. Лин-на, которая попользовалась его преданностью и выставила за дверь как отработанный материал. И даже мать... которая так и не смирилась с его выбором, проклинала армию и откровенно радовалась, когда его с треском попёрли со службы.

— Чего им, чёрт возьми, нужно?..

— Безопасности, — хмуро бросил порядком захмелевший Пан-сок. Тэ-хён, сам того не замечая, выплеснул свою боль слишком громко. — Обычной безопасности, — повторил приятель, опрокидывая в себя остатки соджу, и зычно крикнул хозяйке: — Эй, аджумма, повтори!

Старуха в заляпанном жиром цветастом фартуке подошла шаркающей походкой. Одной рукой она ловко сгребла со стола пустую тару, а другой с глухим стуком выставила свежую батарею зелёных бутылок.

— Вот взять, например, твою Ын-ми, — Пан-сок пьяно повел рукой, в которой дымилась зажатая между пальцев сигарета.

— Не надо, — Тэ-хён угрожающе покачал указательным пальцем.

— Хорошо, — легко согласился приятель. — Не Ын-ми. Другая. Ты думаешь, она жадная. Шмотки ей нужны, машины? Да нет, Тэ-хён. Деньги — это просто способ. — Он заключил это с видом уличного знатока, пуская сизый дым к прокопчённому брезентовому потолку. — Ей было нужно, чтобы весь мир видел статус её мужчины, чтобы её не посчитали брошенной или неуспешной. Ты вечно пропадал в своих гарнизонах. А она вынуждена была в одиночку защищать статус семьи. Она же актриса, на неё все смотрят. Вот требует она от тебя, к примеру, серьги с бриллиантами. Это не жадность. Это её способ купить себе социальную безопасность. Эти побрякушки — её броня, когда тебя нет рядом. Она надевает их, выходит к людям и транслирует всем вокруг: «Посмотрите, мой мужчина ради меня из кожи вон лезет, он меня ценит, я под его защитой». А если серёжек нет, и тебя рядом нет — для неё это значит, что она осталась одна на растерзание сплетникам. Всё просто.

— Фигня какая-то, — Тэ-хён тщетно пытался продрасть к сути сквозь алкогольный туман и сигаретную гарь. — То есть ты хочешь сказать, что Ын-ми требовала с меня кучу денег на наряды не потому, что хотела выпендриться перед коллегами-актерами, а потому, что ей меня было мало?

— Естественно, — уверенно кивнул Пан-сок. — Ты же вечно торчал в командировках. Таскался по своим секретным операциям. Ей было одиноко и страшно. Этими серёжками она

прикрывала дыру, которую ты оставил. Она ими перед самой собой оправдывала твое отсутствие. Мол, он не просто так пропадает, он ради меня пашет.

— Да я и без этого пахал ради неё! — Тэ-хён аж задел коленкой стол. — Я был только с ней. Ни разу ни на кого не променял. Этого, что, мало?

— Для тебя — много. А для неё твоя верность — это то, чего нельзя потрогать, понимаешь? Ей нужно осязаемое подтверждение. Каждый божий день.

Тэ-хён прикинул в уме слова приятеля, и нашёл, что в них есть доля правды. Навещая его в тюрьме последний раз, Ын-ми что-то именно такое в сердцах и выкрикнула. Но теперь ему стало интересно, как это применимо к Лин-не.

— А этой-то тогда чего не хватает?

— Кому? Чон-нан? — не понял Пан-сок. — Да чего ей может не хватать? Замуж она хочет. Гнездо свить, детишек, то-сё. Та же безопасность, только сведённая к бытовому минимуму.

Тэ-хён досадливо поморщился и раздраженно махнул рукой, едва не опрокинув рюмку. Контраст между простой, понятной Чон-нан и той, о ком он на самом деле думал, резанул по живому.

— Да при чём тут Чон-нан! Я не про неё...

— А что, есть другая? — заинтересовался Пан-сок, прищутив осоловелые от алкоголя глаза.

Тэ-хён постарался себя не выдать.

— Понимаешь, она странная. Вот, вроде, всё у неё есть. Деньги, статус, людьми командует, как хочет. А всё мало. Всё чего-то не хватает. Вот и бесится, стерва.

Пан-сок вдруг замер. Сигаретный дым медленно выползал у него изо рта, а взгляд стал тяжёлым, трезвеющим. Он криво, горько усмехнулся, думая о своём.

— Значит, и у тебя такая же... — Пан-сок качнул головой и плеснул себе соджу до самых краёв. — Думаешь, твоя бесится из-за власти? Хрен там. Ей просто не хватает того, с кем она могла бы отключить режим «я решу всё сама». Но мало кто дотягивает до её уровня. Вот, к примеру, моя... — он запнулся. Болезненно поморщился. — Побыл бы ты, Кан, в моей шкуре. Я думал: ещё немного, и я стану её тылом, заберу из этого ада, она сможет наконец выдохнуть. Но, когда у женщины есть своя цель, и отказываться от этой цели она не желает ни за какие блага, это уже не шутки. Тут либо ты дойдёшь до конца, либо тебя раздавят на полпути. А она теперь сидит у меня вот тут, — он с силой ударил себя тяжёлым кулаком в грудь, — как ржавая заноза. Словно нож загнали по самую рукоять. И вытащить нельзя — кровью изойдешь, и жить с ним внутри неможется. Каждую секунду больно.

Тэ-хён хмуро кивнул, думая о том, что прямо сейчас испытывает абсолютно то же самое по отношению к Лин-не. Один в один.

— И что же ты сделал? — спросил он, подвигая к себе рюмку. — Что ты ей дал, чтобы доказать, что она для тебя — единственная?

Пан-сок тяжело вздохнул и заметно погрузнел, мгновенно сдувшись, будто из него разом выпустили весь воздух.

— Э, брат. Думаешь тут так всё просто, — он сначала задрал подбородок, словно пытался взглядом дотянуться до вершины недостижимого небоскреба, но тут же ссутулился.

— Что, серёжки не подошли? — ехидно ухмыльнулся Тэ-хён, пытаясь защититься иронией от собственной тоски.

— Какие, к черту, серёжки? — не сразу понял хмельной приятель. Он горько, надрывно усмехнулся и уставился на свои тяжёлые ладони. — Да если бы всё решалось серёжками, Тэ-хён... Я бы ей луну с неба достал. Ей нужно было, чтобы я стал её цепным псом на этой проклятой войне. Вот какая цена была у этих твоих «серёжек».

— Испугался, значит. Сдал назад? — спросил Тэ-хён уже без прежней ехидцы.

Пан-сок молча покивал и одним глотком опрокинул в рот содержимое своей рюмки.

— Подумал: «Ну куда она прёт, сумасшедшая? Зачем ломать то, что работает?» Я предлагал ей компромисс. Просил бросить всё и уйти со мной. Предлагал ей снять доспехи, обещал стать тылом... А она только улыбнулась. Мягко так, жалостливо. Сказала: «Ты хороший, Пан-сок». И пошла дальше своим путём. Одна. А я остался внизу. Карьеристом хреновым.

Приятель вздохнул так обречённо, что Тэ-хён невольно, до самого хребта прочувствовал его тоску. В этот момент они были братьями по несчастью, одинаково раздавленными какими-то далёкими, жестокими женщинами.

— Понимаю, — Тэ-хён хмуро кивнул, мутным взглядом оглядывая новую шеренгу зелёных бутылок. Он скрутил крышку с одной из них и молча плеснул Пан-соку, затем себе.

— Да хрен ты там понимаешь, — тоскливо отозвался приятель, не глядя на рюмку. — У тебя такой чертовщины никогда не будет. Просто скажи своей, что ты её любишь. Она, может, только этих слов и ждёт. Сразу забудет про свои замашки начальника.

— Не могу, — глухо сказал Тэ-хён. — Меня уже уволили.

— Влюбляться нужно в равных, — наставительно, с видом уличного проповедника отрезал Пан-сок, уставившись в пространство. — Чтобы хребет себе не сломать.

— А ты, значит, так и остался мелким начальником, — зло съязвил Тэ-хён.

— Да, — не обиделся, а скорее хмуро согласился Пан-сок. — Но это временно. Я выбрал правильную сторону. Смогу доказать свою верность — поднимусь выше. Может, со временем самого Чо Тэ-сана подвину и займу кресло шефа безопасности.

Тэ-хён пьяно хмыкнул. Надо же, как высоко метит приятель.

— Ты всё заладил: дом, статус, достаток... — Тэ-хён подался вперёд, заглядывая другу в лицо. — А счастливым-то ты с ней хоть раз в жизни был? По-настоящему?

Вопрос ударил наотмашь по самому больному. Пан-сок со злостью припечатал стопку к столу — так, что прозрачная соджу выплеснулась на пластик. Он этого даже не заметил.

— Был! — яростно выдохнул он, и его глаза лихорадочно блеснули. — Она сидела ко мне так же близко, как ты сейчас. Пожелай я тогда, достаточно было просто протянуть руку... Она стала бы моей. Навсегда.

— Так какого хрена ты её не протянул?

— Не смог, — Пан-сок мгновенно помрачнел, ссутулился и уставился в одну точку, проваливаясь в собственные воспоминания. — Она была измотана, едва жива после той отчаянной бойни. Я ведь только-только вытащил её из моря. Сумасшедшая... Она же море ненавидит, боится его до чёртиков, до паники! А всё равно полезла на то проклятое судно. Ей кровь из носу нужно было лично прижать тех контрабандистов. Я едва успел к развязке. Она прыгнула за борт за секунду до того, как баркас взлетел на воздух. Я выудил её из ледяной воды, уже нахлебавшейся. А потом... потом мы сидели на диком берегу у костра, грелись и разговаривали. И она была так близко...

Пан-сок со стоном обхватил тяжёлую голову руками, словно до сих пор, спустя годы, безумно жалел об упущенном миге.

— Если бы... если бы я тогда настоял... она ведь уже доверилась мне. У неё бы сейчас не было и половины тех проблем, через которые она проходит. Я бы в жизни не позволил ей ввязываться в эти крысиные игры наверху. Вот так-то. Так что твоя история с бывшей начальницей — это так, детские сопли. И рядом не стояли с моей драмой.

Тэ-хёну стало по-настоящему обидно. Внутри вскипела злость от того, как легко друг принизил его чувства к Лин-не. Но не мог же он прямо здесь, сорвав голос, заорать, что умудрился влюбиться в исполнительного советника их чёртова конгломерата!

И в эту секунду на столе, надрывно вибрируя и швыряя на брезентовую стену палатки яркий неоновый свет, зазвонил мобильник Тэ-хёна.

Тэ-хён сделал неловкое движение, локоть соскользнул с липкого края пластика, и гаджет с глухим стуком полетел на грязный пол — прямо под ноги Пан-соку. Приятель лениво наклонился, поднял мигающий экран и пьяно мазнул пальцем по зелёной кнопке.

— Алё, девушка? — пробасил он в динамик, криво ухмыляясь. — Заберите его уже отсюда. И позаботьтесь о парне. Он вас так любит — сил нет слушать.

Тэ-хён в ужасе схватился за голову, слыша, как приятель называет адрес. Хмель выветрился в одну секунду, оставив после себя ледяной пот. Подумалось, что звонить в такой час могла только одна женщина в мире. Лин-на.

— Ты что натворил?.. — выкрикнул он, едва не плача от бессилия и подступающей паники. — Как... как ты мог ей такое сказать?!

— Держи, — Пан-сок небрежно швырнул аппарат обратно на стол. — Сейчас твоя начальница за тобой приедет. И не благодари. Кто-то же из вас должен был сказать это первым.

Тэ-хён глухо застонал, словно от невыносимой зубной боли. Хмельное, воспалённое сознание мгновенно принялось рисовать невероятные, запретные картины. Вот Лин-на приезжает в этот переулок. Злится, кричит. Хлещет его по лицу на глазах у аджуммы, чтобы он пришёл в себя. А после — сама тащит его в машину и везёт к себе. Ему было и дико стыдно, и горько, но одновременно с этим — внутри разливалось сумасшедшее, пьяное счастье.

— Эй, аджумма! — крикнул Пан-сок в глубину палатки, натягивая куртку. — Присмотри тут за моим бойцом. За ним сейчас женщина должна приехать. А мне пора... Дела не ждут.

Он швырнул на стол смятые купюры, расплачиваясь за всю выпитую батарею соджу, и неуклюже вывалился наружу, ловить ночное такси.

А Тэ-хён так и остался сидеть в густой, прокопчённой тени уличного тента. Он тупо смотрел на недопитую пиалу, отчаянно надеясь, что алкоголь до конца выжжет его мозг. Разведёт так, чтобы он перестал чувствовать этот удушающий стыд и острые, непрекращающиеся уколы совести.

* * *

Тэ-хён резко открыл глаза и сел, шумно выдохнув сквозь сжатые зубы. Похмельный мозг, только что перебравший вчерашний вечер по косточкам, вдруг споткнулся о страшную, оглушительную догадку.

«Ржавая заноза в груди... Недостигаемая высота... Ночь у костра на диком берегу... Ледяная вода...»

Тэ-хёна прошиб холодный пот. Так Пан-сок всё это время говорил о Лин-не?!

Картинка, которая казалась привычной служебной рутиной, на глазах начала осыпаться и собираться в совершенно иной, пугающий узор. Пан-сок, образцовый и непреклонный начальник охраны, который всегда был безупречно предан Дому, безропотно сносил любые, даже самые безумные приказы исполнительного советника. Пан-сок, который никогда — ни единым словом — не позволял себе злиться на её ледяной тон.

Это была не субординация. Это был их личный, выстраданный компромисс. Лин-на великодушно позволила ему остаться рядом и делать свою работу, а он молча платил ей за это тем, что хранил её тайну. Из чувства вины за то, что однажды сдал назад.

В памяти всплыл случайный кадр: закрытый спортивный клуб в Сеуле. Пан-сок ставил Лин-не удар. На людях они всегда держали безупречную дистанцию. Но там, в клубе, Тэ-хён кожей почувствовал странное, звенящее напряжение. Теперь он понимал, что это было.

Пан-сок не смог стать её оружием, когда она шла напролом к своей цели. И Лин-на вычеркнула его из своей жизни как мужчину, оставив лишь как функцию. Функцию, которая до сих пор тайно сходила по ней с ума.

«Что он там нёс про костёр на берегу? И что это вообще за мутная история с контрабандистами?»

Тэ-хён мучительно пытался собрать воедино рваные обрывки вчерашних фраз. Пан-сок никогда раньше не упоминал о морских операциях. Похоже, этой чертовщины не было в официальных отчётах службы безопасности «Синджин Групп» — история осталась глубоко личной, запрятанной на самое дно. Опять эти тайные, смертельно опасные игры Лин-ны, о которых никто в конгломерате не должен был пронюхать.

Воображение лихорадочно принялось дорисовывать то, о чём приятель умолчал. Лин-на отправилась в порт, выслеживая криминальный груз. Пан-сок следовал за ней тенью. Кем он тогда был? Сообщником, который прикрывал её спину, или, наоборот, тайно следил по приказу Председателя, подозревая в шпионаже? Сейчас это было не важно. Важно то, что там произошло. Лин-на оказалась заперта на баркасе, далеко от берега. За секунду до взрыва прыгнула в ледяную воду, которую панически боялась.

А Пан-сок каким-то чудом успел. Выудил её из волн, вытащил на сушу и не повёз сразу в безопасный Санбалам, под крыло Председателя и охраны чеболей. Он остался с ней на том диком берегу. Позволил ей быть слабой. Спас её жизнь и сохранил её тайну.

И именно там, у костра, Лин-на впервые доверилась ему и предложила пойти с ней до конца. А Пан-сок... испугался масштаба её цели. И предать её не смог, и стать её оружием тоже.

Должно быть, позже он всё-таки попытался зайти дальше. Надеялся на что-то большее? Сделал ей предложение? Вот только момент был безвозвратно упущен.

«Ты хороший, Пан-сок». Эти её слова теперь набатом стучали в ушах Тэ-хёна — с такой отчётливостью, словно Лин-на произнесла их не его другу, а ему самому.

«Ты хороший, Тэ-хён, но я пойду дальше» — вот что неизбежно ждало его самого. Та же вежливая, жалостливая улыбка. Тот же нож по самую рукоять в грудь. Он шёл точно по следам Пан-сока, наступая на те же самые мины.

Правда, он зашёл дальше, наплевал на условности и рухнул вместе с ней за пределы дозволенного. Вот только итог оказался ещё более разрушительным.

Он не подарил ей безопасность. Он просто смертельно напугал Лин-ну своей неуправляемой мужской силой, заставил её прочный панцирь треснуть. И теперь она в панике вышвырнула его вон, оставив в глубоком, позорном ауте.

Перед ним на журнальном столике стояла чашка чёрного кофе. Тэ-хён протянул руку, взял её и сделал большой глоток остывшего, противно холодного напитка, пытаясь утолить внезапно возникшую невыносимую жажду.

Из глубины дома не доносилось ни шороха — Хан-на уже уехала на работу, оставив его приходить в себя в звенящей тишине. Но Тэ-хён больше не замечал этого мирного утреннего уюта. Картина мира, ещё минуту назад казавшаяся понятной, с треском осыпалась пеплом.

* * *

«Я снова провалился», — хмуро думал Тэ-хён, наблюдая за тем, как серые потёки стекают по стеклу.

Дождь, как обычно в Сеуле, хлынул внезапно. Только что над городом стояло удушливое марево, а в следующий миг раздался оглушительный гул, будто по раскалённому асфальту разом покатались миллионы стеклянных шариков.

Мощные потоки мгновенно захлестнули переулки. Тяжёлые капли с яростью забарабанили по тонкой крыше его октоппана, грозя проломить настил и затопить крошечное жилище. Единственное окно тут же запотело, в комнате запахло старой сыростью. Огромный мегаполис за стеклом растворился в непроглядной пелене, словно кто-то опрокинул стакан воды на свежую, ещё не просохшую акварель.

Далеко в холмах угрюмо ворочался гром.

Но в этой летней буре крылся свой особый, спасительный покой. Плотный шум ливня напрочь глушил утробные звуки беспокойного города. Начинало казаться, будто уши заложило, как во время глубокого прыжка в воду. Эта изоляция мгновенно отразилась на его состо-

янии. Поток бессвязных, кричащих, отравленных обидой образов вдруг выровнялся и устремился в единое русло. Тэ-хён больше не метался в бесплодной злости. Накативший шквал задал жёсткий, чёткий ритм его размышлениям.

Ни в какой Пусан он, конечно же, не поехал. Ему жизненно необходимо было время, чтобы собрать себя по кускам, и он взял тайм-аут. Целую неделю Тэ-хён провёл безвылазно в своём домике на крыше, существуя только на дешёвом раме́не и ироничном самоедстве.

А ведь всё начиналось так надёжно. В памяти всплыло внезапное предложение Пан-сока, контракт в Санбаламе, престижный статус элитного телохранителя. Тэ-хён искренне поверил, что получил шанс на нормальную, человеческую жизнь. А теперь? Он снова на самом дне.

Первую слепую ярость, вспыхнувшую в кабинете Председателя, он уже пережёг. Но раскусок всё ещё буксовал, пытаясь разгадать главный ребус: в какой момент всё пошло под откос? Где он совершил роковую ошибку?

Лин-на ведь могла поступить иначе. Могла пощадить его мужскую гордость. Оставить рядом, как когда-то оставила Пан-сока, определив ему чёткие границы и правила игры. Но нет. Она предпочла демонстративно и грубо раздавить его чужими руками.

Когда-то она спросила его, какой выбор он сделает, если судьба вдруг повернёт Председателя против неё. Он тогда решил, что это обычная проверка на вшивость. Но она не шутила. Ей кровь из носу нужен был свой человек под рукой на этой проклятой войне. Уже тогда она действовала по плану, а он, как последний баран, ничего не понял.

Что так испугало её в нём? Его безоговорочная преданность? Или солдатская прямота?

«Вы становитесь угрозой, Кан Тэ-хён». Так она сказала в кабинете. Угрозой чему? Её тайным планам? Её ледяному контролю?

Он решительно не понимал эту женщину. Если она задумала что-то опасное, её могло спугнуть то, что в нём слишком много принципиальности, способной помешать её цели. Или же... Тэ-хён замер, и сердце пропустило удар. Или же она банально не захотела втягивать его в этот ад? Избавилась от него ради его же безопасности, пока он не влез в её игры по уши?

«Тэ-хён, Тэ-хён, о чём ты думаешь?» — мысленно укорил он себя. — *Тебе бы вычеркнуть её, забыть, как страшный сон. В мире полно вещей, ради которых стоит жить и мечтать. А ты заиклился на этой стерве».*

Да и Хан-ну он из-за неё задел подло, наотмашь. Так, что между ними теперь повисла непроницаемая тишина. Годами строить доверие по кирпичику, а потом сломать всё одним неосторожным словом — это в его стиле.

Тэ-хён ведь прекрасно знал, что чувства Хан-ны давно вышли за рамки обычной дружбы. Но поскольку они оба не были готовы к тектоническим сдвигам, никто не спешил форсировать события. Они бережно держали дистанцию. И тут в его жизни случилась Лин-на. Именно случилась — как стихийное бедствие, как ползущая, неизлечимая эпидемия.

Хан-на ведь действительно нравилась ему — и далеко не только как друг. С ней всегда было поразительно легко. Они слишком долго были рядом, наизусть выучили трещины в чужих бронежилетах и столько раз обнажали друг перед другом душу, что следующий шаг казался логичным и правильным. Так почему же он медлил? Почему мысль о том, чтобы принять Хан-ну как женщину, вызывала такое непреодолимое сопротивление?

Тэ-хён знал ответ. Потому что не она вернула его к жизни. Хан-на лишь бережно заштопала его раны. Но с ней он никогда не стал бы прежним — так и остался бы калекой, влачащим серое существование. Прятался бы в её уюте, не радуясь сам и не принося радости ей.

Это Лин-на с размаху вогнала иглу в самое сердце его затяжной апатии и впрыснула туда чистый яд бодрствования. Он и сам не заметил, как воскрес — не потому, что вдруг захотел жить, а просто потому, что не смог вынести её надменного, ледяного взгляда свысока. Она заставила его желать жить.

И так же безжалостно столкнула с обрыва. Выкинула на грязную обочину жизни, как тогда, возле магазина с дорогой эксклюзивной канцелярией.

Но, может, оно и к лучшему? У неё есть своя глобальная цель. Лин-на идёт к ней по костям, не оборачиваясь. Она не станет менять свой маршрут ради безродного телохранителя и уж точно не сможет взять его с собой на эту вершину.

Настойчивый, резкий звонок телефона безжалостно разрезал тяжёлый шум ливня. Тэ-хён долго, неподвижно смотрел на светящийся экран, гадая, стоит ли вообще возвращаться в этот мир. На дисплее упрямо высвечивалось имя Пан-сока.

Гаджет затих, но тут же зашёлся надрывной вибрацией снова. С третьего раза Тэ-хён всё-таки протянул руку и нажал на кнопку приёма.

— Ты как, брат, живой вообще? — глухо раздался голос Пан-сока сквозь плотный посторонний гул.

— Живой, — ровно ответил Тэ-хён, не чувствуя в этом слове никакого веса.

— Могу я к тебе заглянуть? Ты у себя?

Тэ-хён внутренне поморщился. Что ещё за телячьи нежности? Пан-сок ему не нянька, да и сам Тэ-хён давно перерос тот возраст, когда за ним нужно было присматривать.

— Что-то случилось? — сухо спросил он.

— Есть серьёзное дело.

— Хорошо. Когда тебя ждать?

— Я уже здесь. Возле твоего дома.

Тэ-хён скользнул взглядом по стеклу. На открытой площадке крыши никого не было. Но теперь он наконец распознал характерный шум в трубке — это был шум шин по воде и рокот автомобилей, пролетающих по залитой ливнем улице далеко внизу.

— Поднимайся.

Всего через минуту в хлипкую дверь октоппана настойчиво постучали. Пан-сок стоял на пороге, как обычно, одетый с иголки — строгий тёмный силуэт на фоне серого неба. Вот только разбушевавшаяся стихия слегка подпортила его идеальный вид: плечи дорогого пиджака потемнели от влаги, а с волос капала за воротник вода.

— Собирайся, поедешь со мной, — отрезал он тоном, не терпящим возражений.

— Куда? — без единой эмоции спросил Тэ-хён, даже не сдвинувшись с места.

— К Председателю.

Тэ-хён лишь устало покачал головой.

— Прости, Пан-сок, но я в эти игры больше не играю. Сыт по горло.

— Ты не понял, парень, — Пан-сок шагнул внутрь комнаты, принеся с собой запах сырости и дорогого одеколona. — Это не предложение. Это приказ.

— Меня уволили, если ты забыл, — Тэ-хён сузил глаза. — Я больше не на контракте и не обязан подчиняться твоим...

— Считай, что тебя восстановили в должности, — жёстко припечатал Пан-сок, глядя на него в упор. — Собирай манатки. Время пошло.

* * *

Ровно через час Тэ-хён снова стоял на том же ковре в кабинете Председателя Чжин Доджуна.

Точнее — не стоял. Присутствовал как бездушный предмет. Как спешно отремонтированный, заново возвращённый в строй механизм, готовый к выполнению команд, но совершенно не уверенный, хочет ли он этого. Он до конца не понимал, в качестве кого его вернули под эти своды: восстановленного сотрудника, жалкого просителя или очередной жертвы корпоративных интриг?

Вот и Пан-сока они попросили подождать за дверью.

В просторном помещении собрались почти все прежние лица, вот только в кресле госпожи Лин-ны теперь восседал Чо Тэ-сан. Отсутствие женщины ударило по нервам сильнее, чем любой приказ. Лин-на всегда была здесь константой. Даже когда она хранила молчание, её невидимая тень, казалось, простиралась по всей комнате. А теперь на её месте зияла пустота. И этот вакуум говорил громче любых слов.

Её убрали? И чем дольше Тэ-хён вглядывался в лица присутствующих, тем отчётливее понимал: это мужской заговор. Шеф СБ Чо Тэ-сан, секретарь Чон — все они были настроены если не откровенно враждебно, то как минимум в противовес Лин-не. Каким образом им удалось перетянуть Председателя на свою сторону, оставалось загадкой.

Из размышлений его вырвал сухой вопрос: правда ли он владеет китайским, как указано в досье?

Тэ-хён не спешил с ответом, тщательно взвешивая каждое слово. Его позвали сюда неспроста, да ещё и после громкого скандала с увольнением. О том, что в армии он проходил углубленное языковое обучение, знали единицы — эта информация покоилась в военных архивах. Но он уже успел убедиться, что для ищеек из «Синджин Групп» невозможного мало. Его личное дело изучили вдоль и поперёк.

— Правда, — коротко обронил он.

— Насколько свободно?

— Мандаринский — на уровне уверенного пользователя. Гуандунский — несколько ключевых фраз.

— Сможете перевести с ходу? — секретарь Чон старательно, чеканя каждый слог, произнёс: — *«Договор остаётся в силе, пока одна из сторон не объявит о его расторжении в письменной форме».*

Тэ-хён мысленно перебрал иероглифы, взял секундную паузу и бегло выдал точную формулировку на путунхуа. Чо Тэ-сан напряженно вслушался в чужую речь, словно лично проверял произношение на слух, после чего удовлетворенно кивнул и коротким жестом дал знак Председателю. Экзамен был сдан.

— Хорошо, — гулким, надтреснутым басом резюмировал Председатель. Было очевидно: старик принял окончательное решение. — Вы поедете с нашей переговорной группой в Гонгконг. В качестве переводчика.

— Но я не гоюсь на эту роль, — Тэ-хён нахмурился. — Мой китайский далёк от совершенства. Да и к тому же я официально уволен.

— Считайте, что с сегодняшнего дня вы приняты в штат как специалист по азиатскому региону, — Председатель равнодушно махнул рукой. — Не думаю, что язык нам сильно понадобится — скорее всего, переговоры пройдут на английском. Но путунхуа лишним не будет. На случай, если наши китайские партнёры захотят что-то утаить от нас в личных беседах. Да и знание местных обычаев тоже пригодится. Вы ведь жили в Поднебесной какое-то время?

— Всего пару месяцев, — процедил Тэ-хён, чувствуя, как внутри закипает глухой протест. — Но это закрытая информация. Из армейских архивов.

— Так она и не выйдет за пределы этих стен, — старик безразлично сузил глаза.

Тэ-хён прекрасно понимал, что его личное мнение здесь никого не волнует. Им просто затыкали брешь в секретной операции, но ради приличия стоило хотя бы формально обозначить границы.

— То есть вы хотите, чтобы я просто слушал? И всё?

— Слушали, фиксировали, запоминали, — жёстко вступил в разговор Чо Тэ-сан. — Вы ведь профессиональный разведчик, Кан Тэ-хён. Наверняка умеете обращаться со специальной техникой аудио- и видеоконтроля?

— Я боевой офицер спецназа, — с нажимом напомнил Тэ-хён, выпрямляя спину под тяжёлым взглядом шефа СБ. — И шпионаж в мои обязанности никогда не входил. Только обеспечение безопасности в рамках конкретных боевых выходов.

— Но базовым навыкам наружного наблюдения и сбора информации вас обучали? — Чо Тэ-сан криво ухмыльнулся, давая понять, что спорить бесполезно. Он знал о прошлом Тэ-хёна абсолютно всё.

Тэ-хён вынужден был промолчать, но сама суть этой игры вызвала у него глухое отторжение. Ему глубоко претило то, как цинично его пытались использовать.

Шеф СБ Чо Тэ-сан посмотрел на него с тяжёлым хладнокровием удава, гипнотизирующего добычу.

— Нам нужно, чтобы в Гонконге вы обеспечили плотное наблюдение за госпожой Лин-ной, — прямо сказал он.

Фраза прозвучала так спокойно и обыденно, будто Чо Тэ-сан просто просил секретаря обновить кофе. Только сейчас Тэ-хён окончательно осознал: его никто не восстанавливал. Его просто вкрутили обратно в систему, как сорванную гайку, намертво затянув по инструкции — расчётливо, без малейшего учёта его чувств.

— Значит, она тоже летит в Гонконг? — Тэ-хён хмуро свёл брови.

— Да. Мы в курсе вашего личного конфликта с исполняющим советником, — Чо Тэ-сан даже не моргнул. — Но специфика задания не потребует от вас тесного контакта. Просто присутствуйте на официальных раундах. Слушайте, фиксируйте, запоминайте. Отмечайте, кто что говорит. И в особенности — как ведёт себя Лин-на. Вы будете полностью контролировать её звонки и фиксировать любые встречи на стороне.

«Они всерьёз решили её сожрать, — догадался Тэ-хён, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Собрались накопать компромат и окончательно похоронить её карьеру?»

Но самое паршивое заключалось в том, что Председатель Чжин До-джун молча санкционировал эту слежку. Патриарх империи больше не доверял собственной помощнице.

Тэ-хён внутренне подобрался, словно перед прыжком, и посмотрел на шефа безопасности исподлобья.

— Я боевой офицер, а не шпион, — жёстко, с нажимом отчеканил он.

— Мы прекрасно знаем, с каким трепетом вы относитесь к понятиям офицерской чести, — чуть ли не ласково, с ядовитой полуулыбкой отозвался Чо Тэ-сан. — Но разве вы сами не видите, к какому опасному самоуправству порой скатывается госпожа советник? Разве верность конгломерату не требует от вас помочь нам вытащить её секреты на чистую воду?

Тэ-хён смерил начальника долгим, пристальным взглядом и криво усмехнулся.

— Не знал, что у нас в СБ выстроилась такая очередь из желающих обломать ей зубы.

С этими словами он перевел взгляд и открыто, в упор посмотрел прямо на Председателя. Тэ-хён прекрасно понимал, что старики примут такую прямоту за непростительную дерзость. Но раз уж эти хищники сами раскрыли карты, к чему теперь соблюдать фальшивый этикет?

Председателю это откровенно не понравилось. Он мрачно насупился и издал глухой, хриплый звук, похожий на грозное рычание старого тигра. Старика бесила вся эта ситуация целиком. И дерзость зарвавшегося наёмника, и подозрения главы СБ в отношении его помощницы, и сама необходимость принимать столь крайние, унижительные меры контроля.

— Итак, каково будет ваше решение, Кан Тэ-хён? — нарушил тишину Чо Тэ-сан.

— Даже если я соглашусь, — Тэ-хён перевёл взгляд на шефа безопасности, — с чего вы взяли, что Лин-на мне поверит? Она чертовски осторожна. Она мгновенно почует подвох, едва увидит меня в составе группы после того, как сама же выставила за дверь.

— Пусть, — Чо Тэ-сан хищно прищурился. — Это заставит её действовать более нервно и совершать ошибки. К тому же, вы ведь тоже не простак. Сумеете подыграть. Если в Гонконге выяснится, что Лин-на чиста перед конгломератом... что ж, мы все будем только рады.

Тэ-хён снова опустил глаза, изо всех сил подавляя предательскую дрожь в пальцах.

— Хорошо, — нехотя выдохнул он. — Я приму это задание. Но не потому, что у меня есть к ней личные претензии — я умею отделять службу от эмоций. Просто я сам хочу разобраться, что с ней происходит. Её поведение в последнее время действительно стало странным.

— Вы что-то заметили? — Председатель мгновенно подобрался и метнул в него тяжёлый, пронзительный взгляд, который не могли смягчить даже толстые линзы очков.

— Конкретных улик у меня нет, — Тэ-хён поборол секундное замешательство. — Но эти её тайные, ничем не объяснимые отлучки из офиса... Подозрительные люди в её окружении, которых я раньше не видел ни в офисе, ни в Санбаламе...

— Почему вы сразу не доложили по инстанции?! — громыхнул старик, ударив ладонью по подлокотнику.

— Госпожа Лин-на выполняет для вас много специфической и не всегда легитимной работы, господин Председатель, — спокойно парировал Тэ-хён. — У меня не было поводов для подозрений.

— Вы что, вели за ней слежку? — Чо Тэ-сан резко подался вперёд.

— Только один раз, — Тэ-хён даже не моргнул под скальпелем взгляда шефа СБ. — Когда она поехала в глухой район на встречу с сомнительным типом. Она вошла в подъезд дома одна. Опасаясь за её жизнь, я бросился следом... и обнаружил её возле труп.

— Она убила его?! — в шоке выдохнул секретарь Чон, бледнея.

— Нет, не думаю. Судя по всему, она нашла человека уже мёртвым или умирающим.

— Она что-то искала при нём? Этот человек успел ей что-то сказать или передать? — Чо Тэ-сан прищурился, пытаясь поймать Тэ-хёна.

— Не знаю. Когда я зашёл в комнату, он уже не дышал. Лин-на пробыла там от силы пару минут. Чтобы она не засветилась перед полицией, я быстро вывел её через пожарный выход. Едва мы спустились, в квартире раздался взрыв — судя по запаху, там открыли газ. Мы успели скрыться до приезда спасателей. Что примечательно: смерть этого человека не вызвала у неё особых эмоций. Лин-на прекрасно понимала, что это не случайность, а ловушка. Возможно, её саму пытались подставить.

— И кто был этот покойник? — глухо поинтересовался Председатель.

Тэ-хён лишь развёл руками:

— По одежде и внешнему виду статус определить было трудно. Мужчина в возрасте, ближе к шестидесяти. Возможно, бывший следователь. Судя по характерному желтушному оттенку кожи — глубокий цирроз. Ладони сплошь в шрамах и царапинах. Похоже, ему пришлось много и тяжело работать руками последнее время, просто чтобы заработать на кусок хлеба. Это всё, что я успел зафиксировать до взрыва.

— А Лин-на? Как она вам это объяснила? — Чо Тэ-сан продолжал гнуть свою линию.

— Я не спрашивал. Это не входило в мои обязанности, — Тэ-хён предусмотрительно решил не выдавать всё разом. — Я воспринял это как очередное задание конгломерата. Моей целью было вытащить её живой из заварухи. Я это сделал.

Чо Тэ-сан удовлетворительно кивнул, переводя взгляд на Председателя. Патриарх империи тяжело опустил голову и замер, погрузившись в свои мрачные мысли.

— Вы молодец, Кан Тэ-хён, — произнёс Председатель после долгой паузы. — Я рад, что не ошибся в вас. У вас редкая, профессиональная наблюдательность. Впредь докладывайте сразу обо всём, что покажется вам странным. А пока свободны. Готовьтесь к поездке. Делегация вылетает послезавтра. Господин Чо выдаст вам дополнительные инструкции.

На этом аудиенция была окончена.

Тэ-хён вышел в коридор, где его поджидал Пан-сок. За спиной массивная дверь закрылась с мягким, едва слышным щелчком, но для Тэ-хёна этот звук прозвучал как лязг глухого замка в тюремной камере. Он невольно вздрогнул.

— Ну что, тебя восстановили? — тут же спросил Пан-сок, отрываясь от стены.

— Да, — Тэ-хён выдавил из себя блеклую усмешку. — Только в качестве штатного переводчика.

— Ну вот, я же говорил, что всё образуется, — Пан-сок широко улыбнулся и по-дружески, от души хлопнул его по плечу. — Старик Чжин своих людей просто так не выкидывает.

Но Тэ-хён не разделял его радости.

На душе стало муторно. Внутри ворочалось липкое ощущение, будто он только что потерял нечто бесценное, навсегда оставив это там, в роскошном кабинете за панелями из редких пород деревьев. Что-то, что уже никогда нельзя будет вернуть. Честь? Совесть? Или он окончательно растоптал остатки её доверия, согласившись стать цепным псом её врагов?

Он шёл по длинному коридору и понимал: прежний Кан Тэ-хён — тот самый боевой офицер со строгим кодексом чести — так ни за что бы не поступил. Тот парень остался лежать мёртвым на диване у Хан-ны. А этот, новый, только что подписал контракт с дьяволом.

Глава 2. Гонконг

Тэ-хён катастрофически опаздывал.

Рейс на Гонконг вылетал в 9:45. Он вышел из своего октоппана в семь утра — как положено. Но вместо такси у обочины его ждал тяжёлый чёрный седан с глухой тонировкой, словно выпавший из уходящей ночи.

Чо Тэ-сан приехал лично, чтобы вбить в голову наёмника последние вводные.

— Ваши документы, — шеф СБ протянул массивную папку. — Все неясности из вашего прошлого устранены. Вы чисты. Летите официально — как штатный переводчик делегации. Бейдж, значок, визитки, доступ ко всем раундам переговоров. Дресс-код — деловой костюм, но значок «Синджин Групп» на лацкане должен быть на виду. Обязательно.

Тэ-хён молча кивнул.

— Что мне сказать Лин-не, если она спросит, почему именно я? Она почует подвох.

— Прямое распоряжение Председателя. Официально вы — консультант по Китаю. Ваше резюме она видела. Лишних вопросов не возникнет.

Голос Чо Тэ-сана был ровным и холодным, как лезвие. Он сделал паузу, гипнотизируя Тэ-хёна мёртвым взглядом:

— Вы не должны проявлять к исполнительному советнику ни интереса, ни враждебности. Только профессионализм. Если заговорит — отвечайте сухо и строго по делу. Первым не подходите. Но и не бегайте от неё. Отныне вы — часть команды. Не больше.

Шеф СБ наклонился чуть ближе, и его лицо в полутьме кожаного салона казалось вырезанным из сандалового дерева — застывшая, древняя маска.

— Вы больше не её слуга, Кан Тэ-хён. Ваш статус повышен. Работаете напрямую на Председателя. Любые приказы с её стороны, идущие вразрез с протоколом, оспаривайте на месте, ссылаясь на высшее руководство.

Тэ-хён до христа сжал челюсти. А Чо Тэ-сан монотонно продолжал вколачивать инструкции:

— На встречах присутствуете всегда. Даже если возникнут заминки с переводом — не теряйтесь, переключайтесь на английский. С китайской стороны тоже будет переводчик. Переспросить, если смысл фразы неясен, — это нормальная практика. Будьте умнее.

Чо Тэ-сан достал из кармана сиденья тонкую папку.

— Номера — напротив. Аппаратуру аудиоконтроля там уже установили. Ваша задача — просто не мешать работе системы.

— Будут помощники?

— Это вас не касается. Ведите себя естественно. Ваша роль — замечать то, чего не видят объективы камер. По прилете отчитаетесь. И не вздумайте предупредить Лин-ну. Мы всё равно узнаем. Скроете хоть одну деталь — вернетесь туда, где были полгода назад. Только теперь — навсегда. Даже если вам плевать на себя, подумайте о родителях в Пусане.

Тэ-хён молчал. Губы сжались в блеклую нить, похожую на старый шрам. Свой ответ он уже дал в кабинете Председателя. Там оставался последний шанс сохранить достоинство, но он сделал выбор. Собственной рукой подписался под предательством. Теперь он — соучастник.

— И помните, — закончил Чо Тэ-сан, — вы не шпион. Вы сотрудник, обеспечивающий безопасность «Синджин Групп».

На миг Тэ-хён почти поверил в эту ложь. Чо говорил с такой железобетонной уверенностью, будто продавал не подлость, а высший долг перед компанией.

К этому моменту они проехали треть пути. У станции метро водитель затормозил по короткому приказу. Тэ-хёна высадили. Пришлось ловить попутное такси. Время неумолимо истекало.

* * *

Когда он добрался до VIP-зоны, вся команда была уже в сборе. Ждали только его.

Тэ-хён притормозил у стеклянных дверей, сканируя зал. К нему мгновенно шагнула сотрудница терминала в маске и перчатках — ситуация с пандемией всё ещё требовала тесты на ковид и замеры температуры.

— Вы из «Синджин Групп»? — негромко уточнила она. — Вас ждут. Давайте ваши документы, я проведу регистрацию.

Пока девушка вбивала данные, Тэ-хён бегло осмотрелся.

Первым в глаза бросился секретарь Чон. Он о чём-то спорил с незнакомой женщиной лет сорока в строгом брючном костюме. Короткая асимметричная стрижка, холодная улыбка, взгляд хирурга — Тэ-хён её не знал, но статус и влияние считывались сразу. Старомодный, консервативный Чон в своем мешковатом пиджаке из восьмидесятых выглядел рядом с ней как ископаемое. Ему явно мешала привычка доминировать над женщинами; в присутствии этой стильной хищницы он заметно тушевался.

Ещё одно знакомое лицо — Ким Да-би, молодая ассистентка Лин-ны. В сеульском офисе она всегда казалась безликой серой тенью, но сегодня вырядилась райской птицей. Ярκο-розовый пиджак, лёгкая юбка и кричащий шёлковый шарф, будто вырванный из рекламы модного журнала. Да-би залипала в телефон, придерживая два чемодана. Один — скромный, под документы, а второй — тёмно-бордовый «Луи Виттон» с золотым тиснением — явно принадлежал не ей.

Тэ-хён скользнул взглядом по своему отражению. Чёрные брюки, серый джемпер. На фоне этой расфуфыренной делегации он выглядел слишком просто, зато практично. Синоптики обещали затяжные ливни в Гонконге, и, похоже, прогноз читал он один.

Но где же Лин-на?

Тэ-хён увидел её не сразу — она держалась в стороне от всех.

Лин-на стояла у огромного панорамного окна, глядя на взлётную полосу. На фоне блеклого утреннего света её тонкий силуэт казался тёмным, словно вырезанным из чёрной бумаги. Тонким и хрупким — как трещина на стекле.

Сердце Тэ-хёна с силой, точно кулаком, ударило в рёбра. Весь зал ожидания в секунду стёрся и растворился. Осталась только она. Её строгий профиль, изящная линия шеи и едва заметное движение пальцев, касающихся холодного стекла. Он застыл на месте, не решаясь подойти или просто показаться ей на глаза.

В голове набатом забилась одна паническая мысль: если даже один случайный взгляд заставляет его так задыхаться, как, чёрт возьми, он сможет сохранять невозмутимость до конца поездки?

Она обернулась сама, но из-за бликов на стекле не заметила его.

— Господин Чон, — её чистый, звучный голос эхом разнёсся по VIP-зоне. — Вы утверждали, что с нами полетит штатный переводчик. Где он? Скоро объявят посадку.

Секретарь Чон оторвался от разговора со стильной незнакомкой и недовольно сверился с часами.

— Задерживается... А, вот и он! Господин Кан, сюда!

Лин-на вздрогнула. Резко перевела взгляд от входа к стойке регистрации, где стоял Тэ-хён.

Её лицо мгновенно изменилось. В глубине зелёных глаз промелькнуло не просто удивление или досада. Это была чистая, первобытная ярость, которую она тут же, титаническим усилием воли, заставила себя подавить. Лин-на явно собиралась высказать секретарю что-то рез-

кое, но сдержалась. Она лишь смерила Тэ-хёна ледяным, вопрошающим взглядом, безмолвно требуя немедленных объяснений.

Тэ-хён поблагодарил служащую, позволил забрать чемодан в багаж и направился к группе. Медленно. Свободно. Его новый статус больше не требовал лакейской субординации.

Он вежливо поклонился присутствующим, здороваясь с каждым персонально.

— Я — консультант по азиатскому региону, — ровно произнёс он. — Буду сопровождать делегацию на переговорах. Прошу прощения за задержку.

— Консультант? — Лин-на сделала шаг вперёд, и в её голосе звякнул металл. — Стремительный карьерный взлёт, господин Кан. Поздравляю.

Тэ-хён читал её как открытую книгу: сейчас она с радостью перечеркнула бы всю командировку и вышвырнула бы его из терминала. Если бы имела на это право.

— Секретарь Чон, объясните, что здесь происходит, — потребовала она, разворачиваясь к пожилому помощнику.

Её тон был настолько жёстким, что по VIP-зоне прокатилась волна осязаемой неловкости. Да-би испуганно вжала голову в плечи, готовая хлопнуться в обморок, и перевела дикий взгляд с босса на секретаря. Чон остался единственным, кто даже бровью не повёл.

— Распоряжение Председателя, — равнодушно пожал он плечами. — Сроки поджимали, лучшего кандидата с нужными компетенциями за пару дней мы бы не нашли.

Тэ-хён сдержанно, едва заметно улыбнулся и мягко добавил:

— Во время армейской службы я прошёл углубленный спецкурс. Владею не только путунхуа, но и тонкостями азиатского этикета. Поведенческие паттерны, закрытые протоколы ведения бизнеса — на переговорах такого уровня это не бывает лишним.

Лин-на на секунду закрыла глаза и устало потерла пальцами переносицу, признавая временное поражение.

— Ладно. Посадку объявили. Двигаемся.

Она резко развернулась и первой пошла к гейту.

Да-би торопливо подхватила вещи и припустила следом за боссом. Дамская сумочка сползала с её плеча, розовый пиджак перекосялся, ей было чертовски неудобно. Тэ-хён сделал один размашистый шаг вперёд, перехватил бордовый чемодан «Луи Виттон» и легко поднял его, будто тот вообще ничего не весил.

— Позвольте, я помогу.

Ассистентка благодарно и смущенно вскинула на него глаза, забормотала что-то учтивопаническое и засеменила рядом, тщетно пытаясь поспевать за его широким ходом.

Тэ-хён её не слушал. Его взгляд намертво прикипел к Лин-не. К её прямой, напряженной спине. К каждому выверенному движению. Он буквально сверлил её лопатки, пытаясь пробиться сквозь ментальную броню и разгадать: что же она за существо такое? Почему эта женщина вызывает столько глухой ненависти в СБ, что даже Председатель разуверился в ней и санкционировал слежку?

Впервые за всё время работы он шёл за ней не как послушная тень, не как лакей. Отныне он был с ней наравне. Почти наравне. И Лин-на была абсолютно бессильна его прогнать. Не могла даже отдать ему приказ удалиться, не могла стереть его из этой поездки.

И это её откровенно бесило.

Тэ-хён отчётливо читал её ярость по микродвижениям: по окаменевшим плечам, резким поворотам головы и тому, как она судорожно ускоряла шаг, тщетно пытаясь оторваться от своей свиты.

Тэ-хён приноравливался. Не отставал, но и не приближался вплотную. Он ювелирно держал дистанцию — точно танцор, кожей чувствующий партнёршу. Лин-на замедляла ход — и он сбавлял темп. Она ускорялась — и он послушно следовал за ней, словно они были намертво скованы одной невидимой связкой.

Он был сосредоточен до предела, до тёмных кругов перед глазами, из-за чего у самого входа на рукав телетрапа споткнулся и едва не полетел кувырком. Чертыхнулся сквозь зубы, но шага не сбавил. Тэ-хён сам не понимал, почему для него сейчас жизненно важно не выпускать её из виду ни на секунду.

Это превратилось в яростное противостояние. Внутри него проснулся опасный азарт охотника, напавшего на след. Но Лин не была лёгкой добычей, преследование которой лишь разжигает аппетит перед обедом. Это был тот редкий, смертельный случай, когда у охотника и его цели оставалось ровно поровну шансов умереть или уцелеть в этой схватке.

Она ни разу не оглянулась до самого борта. По ступеням взлетела стремительно, словно за её спиной горела земля. Тэ-хён наступал ей на пятки. Он мимоходом касался ладонью поручня там, где мгновение назад были её пальцы, и с трудом переводил сбившееся дыхание.

Настоящая охота только начиналась. Она оставляла следы, а он шёл по ним след в след, не форсируя события. Он прекрасно знал: рано или поздно они вынуждены будут посмотреть в глаза друг другу, и тогда наконец станет ясно, кто кого сожрёт в этом Гонконге.

* * *

В салоне бизнес-класса царила тишина — густая, как дым в закрытом баре перед рассветом. Воздух был пропитан тонким ароматом дорогого парфюма и кондиционированной свежести. Здесь каждый занял кресло строго по табели о рангах.

Лин-на устроилась в первом ряду, справа у иллюминатора. Соседнее место пустовало — его специально выкупили, чтобы никто не смел нарушить её изоляцию. Да-би села чуть позади, у прохода. Она замерла наготове, готовая сорваться с места по первому взмаху ресниц своей хозяйки.

Во втором ряду у левого борта шептались секретарь Чон и госпожа Пак Мин-джу — влиятельный менеджер из финансового департамента и, как уже успел понять Тэ-хён, правая рука Канджона. Даже на высоте в десять тысяч метров эти двое не прекращали беседовать, словно панически боялись, что минутное молчание выдаст их слабость.

Сам Тэ-хён оказался в третьем ряду, прямо за Да-би. Не слишком близко, но вполне достаточно, чтобы контролировать Лин-ну сквозь узкий зазор между кожаными спинками кресел.

Он никогда раньше не летал бизнес-классом, и местная атмосфера его удивляла. Люди здесь не разменивались на пустяки. Никакого шампанского, громкого смеха или глупых дорожных ссор. Пассажиры читали сводки, спали или гипнотизировали экраны ноутбуков. В этом отсеке ценили каждую минуту — как последний патрон в обойме.

Бортпроводница подошла бесшумно, словно соткалась из воздуха. Она плавно опустила перед ним карту вин и меню, после чего мягко спросила:

— Желаете ваш обычный заказ, господин?

Тэ-хён на секунду замер. «Обычный»? У него не водилось никаких привычек в этой вселенной чеболей. Он бегло огляделся — остальные пассажиры делали выбор уверенно, без колебаний. И только он один в своем скромном джемпере чувствовал себя здесь чужаком. Карманником, случайно затесавшимся на закрытый благотворительный вечер для миллионеров.

— Воду с лимоном? — подсказала бортпроводница, безошибочно считав его жажду.

— Без газа, пожалуйста, — Тэ-хён кивнул, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Девушка понимающе улыбнулась и бесшумно растворилась в полумраке прохода.

Глубокое кожаное кресло приняло его тело, как старого друга. Хотелось расслабиться и провалиться в сон, но глаза упрямо возвращались к первому ряду.

Сквозь узкий зазор между сиденьями он выхватывал лишь обрывки её силуэта: изгиб шеи, нервное движение тонких пальцев, лёгкий взмах ладони — словно она дирижировала невидимым оркестром. По едва заметному шевелению губ Тэ-хён догадался: Лин-на не слу-

шала музыку. Она раз за разом проговаривала про себя текст. Репетировала речь для гонконгской встречи?

Сегодня она выглядела иначе. Вместо глухого чёрного костюма — бордовое платье, облегающее, но строгое. Вместо идеальной офисной укладки — волосы, собранные в лёгкий, почти небрежный узел. Несколько прядей выбились из причёски, словно мысли, вышедшие из-под контроля. Одна скользнула по шее, замерла у ключицы, другая — дерзкая и непокорная — упала на плечо, будто приглашая чью-то руку поправить её.

Тэ-хён зажмурился до боли в веках. Следовало немедленно прекратить этот мысленный стриптиз и перестать вестись на чужую игру масок. Если он прямо сейчас позволит себе разглядеть за фасадом расчётливой стервы обычную человеческую усталость, хрупкость и ранимость — он труп. Он проиграет эту командировку, даже не долетев до Китая.

Он отчаянно пытался занять голову делом. Листал глянцевый рекламный буклет, тупо перебирал иероглифы в китайском разговорнике... Бесполезно. Проводка в мозгу перегорела. Рассудок упрямо моделировал фальшивую реальность: вот он пересаживается в пустое кресло рядом с ней. Она медленно поворачивает голову и говорит что-то до безумия простое — о погоде в Гонконге, о кофе, о пустяках. Но в его воспалённом сознании даже этот банальный бред звучал как высшее откровение.

Тэ-хён внимательно следил за каждым её движением: как она смотрит в иллюминатор, как её тонкие пальцы касаются подноса с ланчем — бортпроводница как раз принесла изысканный японский сет. Но едва Лин-на сделала первый глоток мисо-супа, как резко отстранилась. Судорожно прикрыла рот ладонью, торопливо запила еду зелёным чаем. Её бледное лицо на секунду исказилось от подступившего отвращения.

Да-би тут же испуганно вспорхнула со своего места:

— Вам нехорошо, госпожа? Принести воды?

Лин-на лишь отрицательно мотнула головой и брезгливо отодвинула от себя поднос.

— Нет. Только чай, — она залпом осушила чашку и торопливо скрылась в направлении туалетной кабины.

Тэ-хён цинично ухмыльнулся про себя: *«Эдак она изведёт себя раньше, чем я выведу её на чистую воду»*. Он мельком глянул на собственный нетронутый обед. Аппетита не было. Утренний разговор с Чо Тэ-саном окончательно отравил всё, на что падал его взгляд в этот день. Память упрямо напоминала, кем он стал на самом деле. Ищейкой. Предателем.

И теперь, в этой стерильной тишине бизнес-класса, среди облаков и гипнотического бордового платья, ему предстояло решить главную задачу — как со всем этим жить дальше.

Из кожаной папки Тэ-хён достал золотистый значок «Синджин Групп» и принялся лениво крутить его между пальцами. Точно такой же, какой он носил раньше, будучи обычным бодигардом. Ничего нового. Но шеф безопасности явно вручил его со скрытым подтекстом. Словно клеймо. Метку, беззвучно кричащую: *«Мы следим за тобой, парень»*.

Он тщательно осмотрел вещицу — никаких скрытых микрочипов или камер, обычная блестящая штамповка. Всё чисто. Тэ-хён со вздохом вернул металл на место.

«Я не шпион. И даже не самостоятельная фигура на их доске, — хмуро подумал он, чувствуя, как под мерный гул турбин наваливается сон. — Я просто инструмент. Обычная отвёртка или казённый пистолет».

Засыпая, он в последний раз взглянул на вернувшуюся Лин-ну сквозь полуопущенные ресницы. Она спала, дыша ровно и глубоко, но её пальцы мёртвой хваткой сжимали подлокотники кресла даже в полузабытьи. Да-би тихо поднялась и бережно укрыла её плечи шерстяным пледом. Хорошая девчонка. Всё замечает. В отличие от своего босса.

* * *

Гонконг встретил их не гостеприимством, а испытанием.

Шквальный ливень яростно хлестал по стеклянным фасадам терминала, ветер швырял воду под углом, словно пытался отогнать незваных гостей. Тряска в зоне турбулентности перед самой посадкой заставила пассажиров понервничать, но лайнер приземлился штатно. Стоило ступить на трап, как воздух обрушился на лёгкие — густой, горячий, пропитанный такой удушливой влажностью, что одежда мгновенно прилипла к телу, а кожа покрылась липкой плёнкой пота.

Мегаполис тонул во мгле, затянутый тяжёлыми облаками, сползавшими прямо с пика. Небоскребы терялись в сером мареве, залитые водой улицы блестели, как масляные полосы. Дворники на тротуарах остервенело метали воду в стоки, но ливень возвращал её обратно, будто сама земля отказывалась принимать эту стихию.

Тэ-хён оказался здесь впервые. Лин-на, судя по всему, тоже — он контролировал её отражение в темном стекле минивэна, увозившего делегацию в город. Она буквально прильнула к окну, пытаясь удержать в памяти каждый неоновый штрих. За пеленой дождя Гонконг расплывался, как свежая акварель: с одной стороны угрюмые горы, с другой — мутный залив Виктории, а зажатый между ними бесконечный лес стальных высоток упрямо рос только ввысь, будто город напрочь забыл, что можно расти вширь. Стекло, неон, толпы под зонтами, вывески на кантонском, резкие гудки двухэтажных трамваев... И над всем этим безумием — первобытная зелень склонов, напоминающая, кто здесь истинный хозяин.

Отель «Гранд Виктория» выделялся не высотой, а осанкой. Его фасад из тёплого известняка и матового стекла не кричал о роскоши — он возвышался над улицей, как королевская особа в окружении гвардии. Даже потоки ливня скользили по стенам без суеты, лишь подчеркивая чистоту архитектурных линий.

Швейцар в ливрее времен королевы Виктории, встретивший их у подъезда с огромным зонтом, не выглядел театрально. Этот отель действительно жил вне времени. Истинная роскошь крылась не в позолоте, а в оглушительной тишине, шёпоте шёлковых портьер, тонком аромате орхидей и в том, как ревущий за окнами мегаполис бессильно отступал перед этим островком абсолютного покоя.

После регистрации все молча забились в кабину лифта. Сил на пустые разговоры не осталось — сказывались дорожная удушливая влажность и четырехчасовой перелёт.

На тридцать девятом этаже Ким Да-би приготовилась на выход. Она робко поклонилась, пожелав шефам хорошего отдыха, а Лин-на оглянулась на замершего в углу Тэ-хёна:

— Господин Кан, разве вы не выходите?

Он равнодушно пожал плечами.

— Моя комната выше.

Она явно ожидала, что младшему участнику делегации выделят скромный угол на одном этаже с ассистенткой. Но Тэ-хён сохранял абсолютно отрешенный, независимый вид, будто местная должностная иерархия его совершенно не трогала.

На сорок втором этаже двери лифта плавно разъехались, и беллбой подхватил бордовые чемоданы Лин-ны. Она шагнула на ковровую дорожку, обернулась — и замерла. Тэ-хён шёл следом.

— Господин Кан, — она резко развернулась к нему, сузив глаза. — Вы больше не мой телохранитель. Нет никакой необходимости конвоировать меня до дверей.

Он не удостоил её ответом. Просто прошёл мимо, скользнув плечом в сантиметре от её бордового платья. Остановился у люкса прямо напротив её президентских апартаментов, приложил электронную карту к замку и скрылся внутри, проигнорировав её ошеломленный взгляд.

Едва замок за спиной щёлкнул, Тэ-хён прижался затылком к прохладному дереву двери и глубоко, шумно выдохнул. Сердце бешено колотилось в грудную клетку — не от страха, а от осознания того, что грязный план Чо Тэ-сана сработал идеально.

Успокоив пульс, он огляделся. По гонконгским меркам апартаменты были скромными, с панорамным видом на уходящие в туман горы. Тёплый бежевый интерьер, идеальное постельное белье, массивный письменный стол у окна. Ворсистый ковер под ногами оказался мягче, чем матрас в его сеульском октоппане. Тэ-хён по старой армейской привычке сделал осторожный шаг, проверяя, не скрипнет ли паркет, и прошёл вглубь.

Эта роскошь не была наградой за верность. Это была позиция шпиона.

На столе у окна он сразу заметил то, чего там категорически не должно было находиться. Матовый чёрный кейс с кодовым замком. Он сбросил дорожную сумку на пол, подошёл ближе и решительно откинул тяжёлую пластиковую крышку.

Всё было на месте, строго по спецификации. Мощная станция перехвата, замаскированная под портативную колонку, — для съёма сигналов с жучков, сканирования вай-фая и блютуз. Зашифрованный планшет — замаскированная панель управления с фильтрацией шумов и распознаванием голосов. И мини-антенна, скрытая в рамке с безобидным горным пейзажем. Плюс кабели, адаптеры и плоские наушники-капли.

Тэ-хён достал рамку и повесил над столом — идеальная часть интерьера. Щёлкнул пальцем по защитному стеклу, активировал систему и вставил беспроводной наушник.

Аппаратура работала безупречно.

В уши мгновенно хлынули звуки из номера напротив. Шаги по ковру. Шорох ткани. Короткий, тяжёлый вздох. Лин-на разбирала вещи. Слышимость была такой пугающе чёткой, словно Тэ-хён стоял в полушаге от её постели.

Он судорожно выдернул наушник из уха, будто обжёгся. По спине пробежала ледяная дрожь. Подслушивать её интимные вздохи оказалось сродни вуайеризму — унизительно, грязно, мерзко. Даже если этот приказ исходил лично от Председателя.

Тэ-хён глухо чертыхнулся и отошёл к панорамному окну.

За пеленой ливня и лабиринтом из стекла и стали высился тёмный, угрюмый склон Виктория-Пик, поросший глухим тропическим лесом. Одинокое напоминание о том, что в этом городе ещё осталось что-то живое. А справа, в панорамном остеклении соседней высотки, дрожало зеркальное отражение залива. Своеобразный негатив того пейзажа, который прямо сейчас видела из своего окна Лин-на.

Тэ-хён прижался лбом к холодному стеклу. Отныне его работа — видеть, слышать и фиксировать не то, чего желает его сердце, а интимные обрывки её жизни, вывернутые наизнанку и искаженные в кривом зеркале чужой паранойи.

* * *

Вечером вся делегация собралась на ужин в «Капризе» — ресторане на шестом этаже отеля. Где стены из тёплого дерева обрамляли залив Виктории за панорамным стеклом, превращая его в живую картину, запертую в раму старинной гравюры. Никто не озвучивал правило вслух, но дресс-код подразумевался строгий: вечерняя форма одежды.

Когда Тэ-хён вошёл в зал, Лин-на уже сидела у окна, контролируя взглядом и тёмную гладь залива, и входную дверь. Дорожный наряд она сменила на глухое черное платье — лаконичное, без единой лишней детали, но безупречно подчёркивающее силуэт. Единственными цветовыми акцентами оставались короткая нить гранатовых бус на бледной шее и дорогие часы на кожаном ремешке того же насыщенного, винного оттенка. Других цветов она словно не признавала на ментальном уровне.

Рядом с ней, покачивая бокалом, замер секретарь Чон. Они с Лин-ной явились заранее — не ради того, чтобы упрекнуть младших сотрудников, а просто демонстрируя: для элиты конгломерата пунктуальность давно переросла в инстинкт.

Тэ-хён притормозил в паре шагов и вежливо поклонился старшим по рангу. Лин-на скользнула по нему коротким взглядом... и на долю секунды замерла, будто увидела его впервые в жизни. Он действительно постарался: на нём была строгая чёрная тройка в едва замет-

ную тонкую полоску — старый подарок Ын-ми, купленный ещё к кинофестивалю, идеально отпаренный безупречной службой отеля. Тэ-хён выглядел не просто достойно — он выглядел дорого, хищно и опасно, как истинный хозяин положения.

— Ну вот! Стоит надеть на мужчину приличный костюм — и перед нами совсем другой человек, — раздался за его спиной резкий, уверенный голос Пак Мин-джу. Финансовый менеджер стремительно прошла мимо, коротко кивнув Лин-не и Чону. — Господин Кан, вы превзошли самого себя. Я искренне впечатлена.

Сама Мин-джу выглядела не менее эффектно: безупречный брючный костюм, короткая дерзкая стрижка и белоснежная рубашка с таким острым воротником, что об него, казалось, можно порезаться. Несмотря на её декларативное пренебрежение «женскими штучками», на сборы она явно потратила вдвое больше времени, чем исполнительный советник.

Тэ-хён ответил Мин-джу вежливым поклоном и на мгновение перевёл взгляд на Лин-ну. Но та уже демонстративно отвернулась, изучая рубиновые блики на хрустальной грани бокала.

— Присоединяйтесь к нам, госпожа Пак, — ровно произнесла Лин-на, игнорируя присутствие Кан Тэ-хёна. — Мы с секретарем Чоном как раз обсуждаем предстоящие переговоры.

Пак Мин-джу опустилась в кресло и непринужденно включилась в беседу. Про Тэ-хёна мгновенно забыли — чему он был только рад. Он мало что смыслил в стратегиях бизнес-переговоров, а уж как вести себя за одним столом с топ-менеджментом империи — не знал подавно. В конце концов решив, что наглость — лучшее оружие, сел за стол и спрятал секундную неловкость за бокалом белого вина, не спуская с неё сканирующего взгляда.

Последней в зале появилась Ким Да-би — раскрасневшаяся и вконец смущенная. Было очевидно: девчонка приложила колоссальные усилия, чтобы выглядеть «дорого». На ней было кружевное платье, на которое она, судя по всему, бухнула всю свою скромную месячную зарплату, а волосы лежали красивыми, безупречными волнами. Подвели только шпильки — слишком высокие и неудобные. Походка ассистентки выглядела испуганной, словно она каждую секунду ждала падения на скользком паркете.

— Простите, пожалуйста... Лифт никак не шёл... — забормотала она.

Лин-на не стала устраивать выговор. Она молча скользнула к столу. Секретарь Чон предупредительно помог ей пододвинуть тяжёлый стул и занял почётное место справа. Вся делегация распределилась строго по чину — старшие по рангу сгруппировались вокруг исполнительного советника, а Тэ-хён очутился прямо на линии её огня. Да-би поспешно втиснулась между ним и Чоном, продолжая извиняться на ходу.

Официанты бесшумно подали аперитив: устрицы с лаймом, пряные маринованные овощи и тартинки с нежным грибным кремом. Сомелье обновил бокалы.

— Я уже распорядилась насчёт ужина, — ровно произнесла Лин-на, обводя стол тонкой ладонью. — Но вы вольны выбрать то, что вам ближе. Шеф разработал два сета. Морской — тартар из синепёрого тунца и дикий окунь. Мясной — фуа-гра и нежная телятина.

— Какая щедрость! — картинно восхитилась Мин-джу. — Я выберу рыбу.

— Поддерживаю, — веско кивнул Чон.

Тэ-хён на мгновение замялся. Но заметив, что сама Лин-на остановилась на мясном сете, хладнокровно продублировал её заказ.

— И я мясное! — выпалила Да-би, бросив на Тэ-хёна быстрый, заговорщический взгляд, словно они только что заключили тайный союз.

Лин-на едва заметно улыбнулась — так тонко, что эта мимолетная эмоция тут же скрылась за хрустальной гранью бокала с ледяным шабли.

Разговор за столом снова вернулся к жёстким протоколам завтрашних переговоров.

— Они вычеркнули пункт о совместном управлении активами, — Мин-джу непринужденно подцепила палочками цукэмоно. — И сделали это не по глупости. По тонкому расчёту.

Лин-на согласно кивнула и повернула голову к секретарю:

— А что вы думаете, Чон Хо-ним?

Тэ-хён внутренне подобрался. Он впервые слышал, как секретаря называют по имени. Чон тоже оценил этот жест — исполнительный советник публично демонстрировала ему уважение перед младшим звеном делегации, и такой реверанс нельзя было игнорировать.

Старик чинно отложил приборы и прочистил горло:

— Председатель Чжин всегда повторял: если китайские партнёры уступают в мелочах, значит, они готовят смертельный укус в главном.

— Думаете, это капкан?

— Они просто ждут, пока мы выдадим, насколько этот пункт для нас критичен. А вы... — Чон сделал едва заметную, зловещую паузу, — вы это уже наглядно продемонстрировали.

Лин-на выглядела серьёзно озабоченной. Тэ-хён сквозь хрусталь бокалов видел, что под маской уверенности зреет кризис — с этими переговорами с самого начала было что-то не так. Весь вечер она оставалась заперта в собственных мыслях, не позволяя себе ни секунды передышки. Он впервые видел её такой — загнанной, измученной, смертельно уставшей. Лин-на почти не прикоснулась к еде: брезгливо отодвинула фуа-гра, оставила нетронутой грибную тартинку, лишь тупо взглянула на сочную телятину и отложила вилку в сторону.

Официанты бесшумно, точно тени, подходили к столу, обновляли блюда и мгновенно растворялись в полумраке зала. Лин-на сидела внешне расслабленно, лениво покачивая бокал, в котором густели бордовые блики выдержанного вина. Но Тэ-хён видел: ментально она находилась за тысячи миль отсюда, на каком-то своём личном пепелище.

— Вы пробовали местных устриц? — вкрадчиво, стараясь не мешать старшим, обратилась к Тэ-хёну Да-би. Её голос звучал чуть выше обычного, выдавая лёгкое девичье волнение.

— Нет, — коротко бросил Тэ-хён, даже не повернув головы. Пустая светская болтовня ассистентки его не трогала.

— Говорят, они лучшие в Азии... Я безумно обожаю морепродукты.

«Зачем тогда заказала телятину?» — механически мелькнуло у него в мыслях. Тэ-хён уже не слушал. Рассудок сверлила одна и та же тревожная деталь: почему Лин-на ничего не ест?

— Завтра в десять — первый раунд с «Хуа Синь», — ровно произнесла Лин-на, переводя фокус на Мин-джу. — С нашей стороны всё готово?

— Финансовые модели просчитаны в двух вариантах, презентация загружена на защищённый сервер, — сухо отчеканила Мин-джу.

Секретарь Чон Хо-ним чинно отставил приборы в сторону.

— Председатель Чжин убедительно просил избегать любых рискованных условий. В особенности в текущей... шаткой политической обстановке.

Лин-на сделала крошечный глоток шабли и замерла с бокалом в руке.

— Председатель ещё не видел их последнего предложения, — отрезала она.

За столом повисло молчание — куда более тяжёлое и душное, чем бархатные портьеры за их спинами. Чон понимающе наклонил голову — так кивают умудренные опытом старшие, когда временно уступают дорогу чужому упрямству, но остаются при своём мнении.

— А вы сегодня необычно выглядите, — Да-би упорно продолжала вести свою беседу в их уединенном углу стола. Похоже, она искренне считала, что Тэ-хёну, как и ей самой, скучно слушать эти сухие корпоративные дебаты.

— Это как? — Тэ-хён нехотя перевёл на неё взгляд, с трудом выплывая из паутины чужих интриг.

Ассистентка немного помолчала, густо заливаясь краской и судорожно подбирая слова.

— Роскошно, — наконец выдохнула она, опустив глаза. — Даже госпожа Лин-на вас заметила. Она весь вечер только на вас и смотрит.

Тэ-хён недоуменно перевёл глаза и действительно столкнулся с Лин-ной встречным курсом. Она немедленно опустила ресницы, делая вид, будто этот контакт был мимолетной слу-

чайностью. Но почти сразу же вскинула голову и посмотрела снова — открыто, пронзительно, прямо.

— А вы, господин Кан, — неожиданно громко обратилась она через стол, — что думаете о китайской манере ведения переговоров? Вы ведь теперь у нас главный эксперт.

Все присутствующие синхронно повернулись к Тэ-хёну, заставив его на секунду смешаться под тяжестью чужого внимания.

— Они... они никогда не решают ключевые вопросы за официальным столом, — ровно ответил он, быстро возвращая контроль над голосом. — Главное всегда происходит после.

— Интересно, — Лин-на чуть помедлила, изящно склонив голову к плечу. — Вы не очень-то многословны сегодня, консультант.

Тон оставался безупречно ровным. Но в нём отчётливо вибрировала едва уловимая нотка упрёка. Или чего-то гораздо более опасного.

Тэ-хён спокойно пожал плечами:

— Моя работа здесь — слушать. Но если вам действительно интересно мое мнение... — Он сделал вескую паузу, заставляя аудиторию ловить каждое слово. — Настоящие соглашения заключаются в кулуарах: в машине, в коридоре, за чашкой чая, когда все маски уже сброшены и никто не играет роль. Там, где нет лишних свидетелей. И где не страшно уронить лицо.

Лин-на надолго задумалась, взвешивая его реплику, словно просчитывала следующий ход на поле игры в го. Внезапно она резко оборвала затянувшееся молчание:

— Да-би.

Ассистентка испуганно вздрогнула, готовая выхватить блокнот или куда-то бежать. Но исполнительный советник лишь глухо произнесла:

— Можешь заказать себе десерт. Я знаю, ты любишь сладкое... Простите, господа. Перелёт вымотал меня. Хочу лечь сегодня пораньше. Пожалуйста, заканчивайте ужин без меня.

Все послушно поднялись с мест. Она покинула зал быстрой, стремительной походкой, так и не притронувшись к остывающей телятине.

Тэ-хён краем глаза поймал красноречивый взгляд секретаря Чона, беззвучно приказывающий: «Иди за ней». Но в этот момент он внезапно ощутил настоящий физический голод. Позволив себе проигнорировать немой приказ старшего по рангу, он хладнокровно принялся за остывающую телятину.

Лин-на в отеле. Никуда она не денется.

После её ухода за столом воцарилась вежливая, удушливая тишина. Но под этой глянцево-поверхностью скрывались четыре абсолютно разных мира, категорически не желающих соприкасаться. Чон Хо-ним оставался в своей вселенной консервативных традиций. Пак Минджу — в паутине личных карьерных амбиций. Наивная Да-би питала призрачные девичьи надежды, а сам Тэ-хён думал лишь о навязанном ему долге шпиона.

За панорамным окном сквозь пелену тропического ливня смутно угадывался залив Виктории. Но и он молчал, словно прекрасно знал: в «Каприсе» сегодня никто не станет говорить искренне.

— Завтра дождь наконец-то закончится, — негромко произнесла Да-би, будто эта синоптическая деталь могла хоть что-то изменить в их запутавшихся жизнях.

Секретарь Чон лишь тяжело вздохнул в ответ.

Тэ-хён задумчиво постукал пальцами по тонкой стеклянной ножке бокала. Перевёл взгляд на пустое кресло, которое только что занимала Лин-на, словно её невидимый фантом всё ещё оставался там. Его мучил один-единственный вопрос. Если верить болтовне Да-би, Лин-на весь вечер украдкой наблюдала за ним. Но что именно она пыталась рассмотреть в его лице? Угрозу? Стыд? Или отголоски той неправильной ночи?

Ассистентка продолжала о чём-то щебетать над его ухом, но Тэ-хён её не слушал. Он молча осушил свой бокал, не сводя гипнотического взгляда с хрустального фужера напротив, на краю которого остался чёткий след от её помады.

Да, завтрашний день определенно будет не из лёгких.

* * *

После ужина Тэ-хён не стал подниматься к себе. Вместо этого он спустился в лаундж-бар на первом этаже — полутемное, вполне демократичное место. Выпитого в «Каприсе» вина ему показалось недостаточно. Хотелось чего-то покрепче, прежде чем садиться за первый отчёт для Чо Тэ-сана.

В лаундже былолюдно и шумно. За стойкой и низкими столиками теснились экспаты, туристы и участники какого-то международного финансового форума, рекламу которого он мельком видел в вестибюле. Вокруг звенели бокалы, кто-то пьяно смеялся, кто-то азартно спорил о сделках. Тэ-хён взял двойной бурбон и устроился прямо у стойки.

Мерный гул голосов лишь усиливал ощущение изоляции, под него хорошо думалось. Тэ-хён не вслушивался в обрывки англоязычных фраз. Он прокручивал в голове странное, лихорадочное поведение Лин-ны и предстоящее задание. И вдруг поймал себя на позорной мысли: он намеренно оттягивает возвращение в собственный номер. Потому что там придётся надеть наушники. И слушать, запоминать, шпионить.

Сидящая на соседнем табурете девушка неловко шевельнула локтем и смахнула на пол дорогой кожаный клатч. Тэ-хён лениво проследил за траекторией падения. Наклонился, поднял вещь и вернул владелице, мимоходом отметив взглядом изящную фигуру в облегающем платье, каскад белокурых волос и нездешние, европейские черты лица.

Чужестранка открыто, кокетливо улыбнулась ему и кивком пригласила пересесть поближе.

— Спасибо, я не в настроении, — сухо обронил он.

Девушка профессиональным взглядом окинула его с головы до ног, нашла, что элегантный костюм только ширма, и решила, что она поторопилась с приглашением.

Тэ-хёна это не задело. Ещё недавно женщины на него даже так не смотрели. Но на самом деле, ему важен был взгляд только одной женщины, но её тут не было.

Он залпом допил обжигающий бурбон, швырнул на стойку купюры и вышел из бара.

Когда он завернул к лифтовой площадке, зеркальные створки кабины уже начали плавно сходиться. Ждать следующего подъёма не хотелось. Тэ-хён громко бросил вдогон: «Подождите!», но его то ли не услышали, то ли попросту проигнорировали. Двери почти сомкнулись. Тэ-хён коротким, натренированным движением успел проскочить в сужающуюся щель.

Незнакомка в мокром плаще осторожно посторонилась, забившись в дальний угол кабины и отвернувшись к зеркальной стене.

Лифт плавно тронулся. И только лёгкое давление в ушах указывало на то, что они поднимаются.

От нечего делать Тэ-хён принялся ненавязчиво сканировать попутчицу: кто она, почему возвращается так поздно? Подол её плаща и носки туфель насквозь промокли — значит, в это тропическое погодное безумие женщина шла пешком. В руке она сжимала металлический термос, какие гонконгцы обычно используют для еды на вынос. По замкнутому пространству кабины пополз слабый, едва уловимый аромат горячей рисовой каши — *конджи*.

Дешевая уличная еда и мокрая одежда категорически не вязались со статусом постояльцев этого роскошного отеля. Тэ-хён нахмурился, подозрительно глянул на женщину. Голова низко опущена, лицо наполовину скрыто лёгким платком. И вдруг в его мозгу коротнуло. Возглас вырвался сам собой, против воли:

— Вы?!

Скрываться больше не было необходимости. Лин-на медленно подняла голову. Взгляд зелёных глаз оказался острым и режущим, как бритва.

— Господин Кан, — холодно процедила она, — не могли бы вы не разглядывать меня так беспардонно? Мы же всё-таки не на рынке.

Её возмущение было объяснимо — Тэ-хён был настолько обескуражен, что просто не мог заставить себя смотреть иначе. Пазл в его голове отказывался складываться.

— Вы ничего не ели за столом, а теперь тайком бегали на улицу, чтобы купить... вот это? — он кивнул на термос.

Лин-на проигнорировала его недоумённый вопрос, лишь нервным движением поправила влажную прядь, выбившуюся из-под платка.

— Что за тон, консультант? Какое вам вообще дело до того, куда я хожу и чем питаюсь? Ваше дело — слушать.

Она с явным издевательством перефразировала его собственную реплику, брошенную на ужине. Но Тэ-хён сквозь это наносное высокомерие отчётливо расслышал в её голосе не просто недовольство, а глубокое раздражение, природу которого его мужская логика сейчас никак не могла разгадать.

— Как это — какая разница? — вскипел он, окончательно забывая про навязанную Чо Тэ-саном маску безразличия. — Шататься ночью в одиночку по закоулкам Гонконга смертельно опасно! Вас могли банально ограбить. Или похитить.

— Вы, кажется, забываетесь, Кан Тэ-хён, — её голос опустился на пару регистров ниже. — Повторяю для особо сообразительных: вы больше не мой телохранитель. И не стоит разыгрывать тут панику. Мы в благополучном центре города, и я ходила совсем недалеко.

Тэ-хён был в курсе про её капризный желудок. Ничего удивительного, что после перелёта и смены климата, её пищеварение резко нарушилось. Но зачем же так рисковать?!

— Если вам претит изысканная ресторанная кухня, можно было послать Да-би. Или... меня.

Лин-на издевательски усмехнулась, качнув термосом в руке:

— Бойтесь, что пропустили что-то важное для своего будущего рапорта? Неужели вы думаете, я настолько слепа, что не понимаю, зачем именно вас ко мне приставили?

Тэ-хён словно наткнулся на невидимую стену и заткнулся. Воздух в кабине лифта стал душным и плотным.

— Шпионьте сколько вашей душе угодно, — спокойно, почти равнодушно подвела черту Лин-на. — Только не смейте мешать мне делать то, что я считаю нужным. Сегодня мне захотелось грошовой уличной каши вместо всей этой пафосной фуа-гра. И да, я сама за ней сходила. Хотела проветрить голову перед сном.

Лин-на выдержала театральную паузу, а затем добавила с нескрываемым, ядовитым сарказмом:

— Кстати, вам бы тоже не помешало как следует освежиться. Завтра сложный раунд, и конгломерату пригодятся ваши хваленые знания путунхуа. А не... дешёвое умение клеить девиц в баре.

Тэ-хён резко вскинул на неё взгляд:

— Откуда вы... — Но он вовремя вспомнил про витринные окна в баре, через которые открывался отличный вид как из бара на улицу, так и по другую сторону стекла. Она всё видела.

— Это вовсе не то, что вы решили! Она просто уронила сумочку...

— Мы приехали, — безжалостно перебила Лин-на.

Зеркальные створки лифта плавно разъехались, открывая перед ними тихий коридор сорок второго этажа.

Лин-на вышла первой, так и не обернувшись. Плотный шлейф рисового отвара унёсся вслед за ней. Тэ-хён замер в кабине, чувствуя, как в груди удушливой вспышкой детонирует

старая, глухая обида — та самая, что лишала его сна три месяца назад. Она снова застала его в компании случайной девицы и сделала свои извращенные выводы.

— Чёрт... Да что она обо мне думает? — сквозь зубы процедил он в пустоту проёма. — Могла бы уже и разобраться, какой я есть.

Мысли стучали в висках так оглушительно, что Тэ-хён не сразу сообразил, что лифт давно стоит на этаже с распахнутыми дверями. Спohватившись, он шагнул в безлюдный, залитый мягким светом коридор.

— Ерунда какая-то, — бормотал он, прикладывая карту к замку своего номера. — С чего бы ей так нервничать из-за какого-то дурацкого жеста в баре?

Впрочем, с Лин-ной с самого утра творилось что-то неладное. Неужели его внезапное появление в составе делегации настолько выбило её из колеи? И этот металлический термос с китайской кашей... Что за дикая прихоть для европейки?

* * *

Ближе к полуночи он заставил себя сесть за ноутбук и составить подробный рапорт, начиная с момента прибытия в аэропорт Чеклапкок. Текст Тэ-хён завершил лаконичным, ледяным выводом: *«Объект действует строго в рамках миссии, однако демонстрирует опасную независимость от прямых директив Председателя. Автономный выход из отеля в 21:15 не имел логически объяснимой цели и требует дополнительного контроля. Завтра продолжу плотное наблюдение. Кан».*

Отправив зашифрованный файл на закрытый сервер Чо Тэ-сана, он, прямо в брюках, рухнул на безупречно застеленную кровать и глубоко вогнал в ухо беспроводной наушник.

В эфире стояла тягучая, ровная тишина, словно он внезапно оглох. Но спустя пару минут Тэ-хён перестал вслушиваться в белый шум аппаратуры. И уловил её дыхание. Тихое, мерное, до безумия знакомое — будто Лин до сих пор спала на расстоянии вытянутой руки. Он закрыл глаза, послушно ныряя в эту иллюзию.

Если бы он тогда не сбежал на рассвете из её спальни...

Она проснулась бы не одна. Увидела бы его лицо, а не холодную пустую подушку. Возможно, нашла бы в себе силы сказать то, что прятала за стальной броней годами. А он... он озвучил бы то, что теперь уже никогда не посмеет произнести вслух.

Что она испытала в то утро, обнаружив одиночество? Обиду? Предательство? Или просто... пустоту? Смотрели бы они сейчас друг на друга как заклятые враги, останься он тогда рядом с ней?

Тэ-хён слушал её дыхание сквозь помехи перехватчика, как единственную доступную ему молитву. И провалился в тяжёлый сон, так и не дождавшись ответа от темноты.

Глава 3. Переговоры

Утро началось с тишины. Словно кто-то умелый выключил все звуки. За плотными шторами царил полумрак, и только тонкий луч солнца, пробившийся в щель, бросал неясные блики на мебель. Как напоминание: дождь кончился.

Тэ-хён поднялся резко, по-армейски, не дав себе ни секунды на раскачку. Просто открыл глаза и сел. Это была не решимость — скорее, готовность принять день со всеми его сложностями. Впереди ждало что-то важное, почти судьбоносное. Предчувствие этого теперь управляло каждым его движением.

Он встал и раздвинул шторы. Комнату мгновенно залил жемчужный свет. Непогода и правда, как обещала Да-би, рассеялась, но влажность висела в воздухе незримой пеленой. Небоскрёбы за окном утопали в тумане, будто их основания стёрли ластиком. Из белёсого марева торчали только вершины, слепившие отражением солнца в панорамном остеклении. Где-то внизу, под этим облаком, уже закипала суматоха гонконгских улиц, но до сорок второго этажа долетала лишь гулкая пульсация тишины.

Пора.

Тэ-хён бросил короткий взгляд на аппаратуру слежения, но подавил искушение надеть наушники. Он не сомневался: в номере напротив сейчас так же собранно встает женщина. Это её день. Её шанс проявить себя. И он не станет вмешиваться — даже как невидимый наблюдатель.

Когда он вышел из душа, раздался негромкий стук. Портёе принёс костюм, отданный в чистку накануне. Безупречно выглаженная, без единой складки ткань пахла дорогой свежестью. На сегодня это его боевая форма.

Он одевался с особой тщательностью. Новые носки. Хрустящие стрелки на брюках. Белоснежная рубашка. Пуговицы застегивал медленно, одну за другой, словно разминировал снаряд — без права на спешку.

Галстук выбрал шёлковый, чёрный, без рисунка. Ни единая деталь не должна привлекать к нему внимания. Сегодня он тень. Но не просто тень — инструмент, такой же безупречный, как ручка, которой Лин-на поставит подпись под договором.

Жилет в тонкую полоску, тёмно-серый пиджак, строгого кроя. На лацкане — значок «Синджин Групп». Металлический, с холодным блеском. Точно такой же Тэ-хён приколот на форму в самый первый день своей службы. Тэ-хён на секунду нахмурился. Он точно помнил, что оставил значок в кармане пиджака, когда сдавал его в чистку. Видимо, служащий прачечной проявил излишнюю заботу, заметив корпоративную символику. Сервис в отеле действительно был на высоте.

Тэ-хён поправил узел под воротником, чуть выпустил манжеты из рукавов пиджака и придирчиво глянул на себя в зеркало.

Оттуда на него смотрел человек в безупречном костюме. Странное, чужое зрелище. Пока он одевался, казалось, что идут сборы на войну. Но отражение упрямо твердило: перед ним клерк. Обычный офисный служащий, идеальная серая мышь из финансового центра. Один из тысяч таких же воротничков, что каждое утро штурмуют гонконгские небоскрёбы. Никакой угрозы, никакого намёка на прошлое. Безликий элемент корпоративного пейзажа.

Ему не хватало фуражки, чтобы вернуть привычное ощущение силы. Вместо этого он провёл ладонью по волосам, поправляя строгую укладку, и пальцы наткнулись на шрам у правого виска. Пряди давно отросли, скрывая отметину от чужих глаз. Но Тэ-хён помнил каждую неровность на коже — напоминание о его боевом крещении на службе в «Синджин Групп».

Его тело помнило много ран — и смертельно опасных, и пустяковых. Но именно этот шрам почему-то значил больше остальных. Напоминание о дне, когда он закрыл собой Лин-ну от летящего ножа, а сам поймал виском брошенный кем-то камень. Ничего серьёзного, просто глубокая царапина. Но память о тех секундах калёным железом выжгла след в его сердце.

Тогда он впервые осознал: это не просто работа. И этой женщине действительно нужна защита.

А что теперь? Так ли он уверен сегодня, что она по-прежнему стоит того поклонения?

Тэ-хён понимал: на грядущей встрече решится не только судьба контракта. Сегодня ему придётся выбрать, чьим оружием стать — Председателя, Чо Тэ-сана или её. И этот выбор будет зависеть от того, какую Лин-ну он увидит на переговорах.

Тэ-хён пристально посмотрел в глаза своему отражению.

— Не подведи, — тихо произнёс он.

Но не уточнил — кого именно.

* * *

Лин-на оставалась пунктуальной, как всегда. И всё же, когда створка её двери открылась, Тэ-хён уже ждал напротив.

Вопреки ожиданиям, сегодня она отказалась от привычного образа жёсткой, уверенной в себе бизнес-леди. Напротив — подчеркнула женственность. Каждая деталь была выверена до мелочей. Забыв про строгий чёрный цвет, Лин-на выбрала платье оттенка тёмного вина — облегающее, словно конверт с тайной. Вырез-капля, застежка под горлом в виде двух золотых фениксов и длина, безупречно скрывающая колени, но подчёркивающая стройность ног. На запястье — тонкий браслет часов: знак уважения к чужому и своему времени.

В её облике сквозило что-то неуловимо восточное, напоминающее тонкую стилизацию под китайское ципао. В руках она сжимала небольшую сумочку, в меру вместительную: ровно настолько, чтобы уместить любимый блокнот и телефон.

— Вы уже готовы, господин Кан? — бросила она, окидывая его придиричивым взглядом.

В её глазах не было привычной предвзятости, с которой она обычно выискивала у него изъяны. Сейчас Лин-на словно строгая хозяйка проверяла готовность инструмента. И, судя по всему, осталась довольна.

Тэ-хён молча поклонился. Но его взгляд мгновенно зафиксировал деталь: пальцы Лин-ны едва заметно подрагивали, вцепившись в ручку сумочки, точно в единственную опору.

Он мысленно засыпал себя вопросами. Волнение? Недосып? Плохое самочувствие? Всё это никак не вязалось с образом исполнительного советника, к которому он привык.

Лин-на нетерпеливо зыркнула в дальний конец коридора. В этот момент из своих номеров вышли господин Чон и Пак Мин-джу — синхронно, будто по невидимому сигналу. Они приблизились, на ходу обмениваясь сухими приветствиями и мгновенно перестраиваясь на рабочий лад.

Секретарь Чон чуть склонился к Лин-не и негромко произнёс:

— Госпожа, не считите за совет или наставление... Китайцы ценят не силу, а терпение. Войдите тихо. Говорите мало. Молчание — это тоже речь. Пусть думают, что вы слушаете. Только так вы услышите их настоящие мысли.

Лин-на кротко кивнула, принимая правила игры.

С тихим шелестом открылись двери лифта. В кабине их уже ждала Ким Да-би. Теперь команда была в сборе.

У парадного входа отеля замерли два автомобиля: глянцево-чёрный «Мерседес» для госпожи Лин-ны и секретаря Чона, и такой же чёрный электромобиль «БМВ» — для остальных. До «Рица» было всего минут десять-двенадцать езды, даже с учётом утреннего трафика. Но протокол требовал безупречности: принимающая сторона станет оценивать каждую деталь, начиная со статуса кортежа.

Тэ-хён ехал во второй машине. Электрокар бесшумно скользил по умытому ночным дождём асфальту, аккуратно держась за хвостом головного седана. В голове Тэ-хёна крутились мрачные мысли о превратностях судьбы. Кто бы мог подумать, что его знание китайского языка когда-нибудь приведёт его на переговоры высшего эшелона? В спецназе он рассчитывал применять этот навык разве что на допросах.

А теперь от его точности зависело всё: либо он поможет Лин-не вырвать победу за столом переговоров, либо станет свидетелем её краха.

Тэ-хён предпочёл бы находиться с ней в одном салоне. Привычка неотлучно сопровождать Лин-ну въелась под кожу. Стоило между ними возникнуть дистанции, как ему становилось неуютно. К тому же сегодня она показалась ему слишком бледной. Что бы ни крылось за этой бледностью, он обязан был держать руку на пульсе. На всякий случай.

«Для неё это первые переговоры такого уровня», — мелькнуло в мыслях.

И от того, как Лин-на справится с давлением, зависело её будущее при Председателе.

* * *

Двери конференц-зала отеля «Ритц-Карлтон» распахнулись беззвучно. Внутри царили кондиционированная прохлада, тишина и тонкий аромат жасминового чая. За длинным столом из чёрного мрамора, отполированного до зеркального блеска, восседали трое: двое мужчин в строгих костюмах и женщина лет пятидесяти — с приметной седой прядью у виска и тяжёлым взглядом, способным выдержать фотовспышку в упор.

Первой вошла Лин-на.

Она двигалась не спеша, не оглядываясь по сторонам. Сделала три шага и остановилась в паре метров от стола, едва заметно склонив голову. Именно так предписывают старинные китайские трактаты: уважение без поклона — жест для равных.

Следом вошли секретарь Чон и Пак Мин-джу, в полном молчании с лицами, лишёнными эмоций, словно на плоской иллюстрации. Они заняли позиции по обе стороны от Лин-ны, но на полшага позади. Тэ-хён и Ким Да-би беззвучно проскользнули следом и мгновенно слились с фоном, превратившись в безликий персонал.

И вдруг Лин-на заговорила по-китайски.

Тэ-хён мысленно вздрогнул. Ему никто не говорил, что она владеет путунхуа.

— Здравствуйте, господин Вэнь. Благодарю за приём. Госпожа Хуан. Господин Лу.

Она произнесла фразу ровно, особенно тщательно выговаривая имена, слегка шевеля пальцами поверх сумочки, словно тайно дирижируя самой себе. Получилось, возможно, не слишком изящно, зато без единой ошибки в тональностях.

«Так вот чем она занималась в самолёте! Заучивала китайские имена до автоматизма», — осенило Тэ-хёна.

Господин Вэнь удивлённо приподнял брови и едва заметно улыбнулся. Его реакция была понятна. Глава китайской делегации ожидал увидеть типичного топ-менеджера «Синджин»: напористого, резкого, с привычной для этого конгломерата позицией превосходства технологического гиганта. Но перед ним стояла женщина, знавшая, как говорить с китайцами на их языке — уважительно, на равных.

Вэнь одобрительно качнул головой и жестом пригласил гостей садиться.

Когда все заняли места согласно протоколу — Лин-на устроилась точно напротив господина Вэня, — тот заглянул в лежащий перед ним листок. Чуть прищурился и произнёс:

— Госпожа... Ли-на Лео-не.

Иностранное имя далась пожилому китайцу тяжело: он слишком старательно разделял слоги, отчего имя прозвучало совсем чуждо, как «Ли-на Лай-ан».

Тэ-хён невольно подобрался, ожидая, что Лин-на сейчас вежливо поправит его и назовёт свое настоящее имя. Но ни она, ни секретарь Чон даже не повели бровью — будто всё шло

строго по плану. Значит, по документам она шла под этим новым для Тэ-хёна именем. Ещё один секрет, о котором ему забыли доложить.

Господин Вэнь заговорил на путунхуа. Его голос звучал мягко, но в глубине старческих глаз крылся пронизательный расчёт. Сбоку от стола бесшумно вырос местный переводчик и ровным, хорошо поставленным голосом продублировал речь шефа на корейский.

Тэ-хёну этот перевод был не нужен — он понял всё на несколько секунд раньше, вычленив суть прямо из китайской речи:

— Рады приветствовать вас на нашей земле. Господин Вэнь желает процветания вашей компании и благодарит за то, что вы преодолели этот путь ради встречи. Однако... мы не ожидали, что «Синджин» пришлёт именно вас. Господин Вэнь выражает деликатное недоумение: почему переговоры ведёте вы, а не сын Председателя, господин Чжин Пон-джун, как официальный руководитель «Синджин Технолоджи»?

Это был первый скрытый выпад. Проверка на прочность. Пока китайский переводчик договаривал официальную корейскую формулировку, Тэ-хён успел заметить, как едва заметно, на долю миллиметра, напряглись плечи Лин-ны.

Но когда перевод завершился, она тонко, почти невесомо улыбнулась:

— Президент «Синджин Технолоджи» Чжин Пон-джун в настоящее время полностью поглощён модернизацией производства, включая запуск новой площадки в Мьянме. Процесс требует его личного контроля на месте. Именно поэтому стратегическое руководство проектом «Горизонт-2» Совет директоров делегировал мне — как исполнительному советнику Председателя Чжина. Мой мандат покрывает все технические, финансовые и юридические аспекты. Если вы готовы обсуждать условия — мы можем начинать.

Теперь наступила очередь Тэ-хёна. Выждав безупречную протокольную паузу, он ровно и безэмоционально перевёл её слова на путунхуа, точь-в-точь передавая уверенные интонации Лин-ны.

Выслушав Тэ-хёна, Вэнь понимающе кивнул. Первый раунд остался за ними.

— Мы слышали, что у господина Чжина есть весьма опытная помощница. Для нас большая честь познакомиться с вами лично. Руководить таким проектом — задача ответственная и почётная. Не сомневаюсь, вы с ней справитесь.

«Слова, слова...» — подумал Тэ-хён, слушая, как китайский переводчик дублирует фразу на корейский.

Тэ-хён досконально знал биографии всех присутствующих благодаря закрытому досье Чо Тэ-сана. Пожилой мужчина во главе стола — господин Вэнь Гоцзун, представитель старой партийной гвардии, поднимавшей промышленность страны. Сейчас он возглавлял стратегическое предприятие, частично контролируемое Пекином. В старомодном пиджаке со слегка потёртыми пуговицами Вэнь выглядел скорее партийным советником, чем топ-менеджером. Но за этой внешней простотой скрывался ум, отточенный десятилетиями аппаратных войн.

Достаточно было заметить его мимолётный, но цепкий взгляд. Гоцзун мгновенно просканировал Лин-ну: оценил винное платье, скромное, но подчеркивающее силуэт; задержался на золотых фениксах застёжки; взгляделся в лицо, лишённое азиатских черт. Он оценил сразу всё: её молодость и умение подчеркнуть статус, тщательно выверенный образ, рассчитанный на то, чтобы понравиться китайцам, и независимую манеру держаться.

Лин-на дождалась, пока переводчик замолкнет, и ответила. Тэ-хён тут же транслировал её слова на путунхуа, сохраняя безупречно ровный тон:

— Благодарю за столь лестные слова. Надеюсь оправдать ваши ожидания — разумеется, с вашей помощью, ведь в этом и заключается суть партнёрства. Я высоко ценю ваш колоссальный опыт и тот вклад, который вы готовы внести в проект.

Её речь мягким мёдом легла на душу господина Вэня — старик удовлетворенно прищурился. Однако сидевшая по правую руку от него госпожа Хуан очаровываться молодой корей-

ской переговорщицей не собиралась. С бескомпромиссностью закалённого в боях партийного функционера она пошла в прямую атаку:

— Слышали, вы — дочь банкира из Милана? — голос госпожи Хуан прозвучал сухо и резко. — Для европейки вы удивительно чисто говорите по-корейски. Редкое зрелище: иностранка во главе азиатского технологического проекта. Любопытный синтез культур.

— Как рис с пармезаном, — господин Вэнь издал короткий смешок, явно довольный собственной шуткой.

На мгновение Тэ-хёну показалось, что Лин-на просчиталась с выбором платья. Госпожа Хуан явно не терпела чужого самовыражения. Сама она была закована в глухой деловой костюм — точь-в-точь партийный функционер на съезде. В её немигающем взгляде, направленном на Лин-ну, сквозила смесь холодного презрения и тщательно скрываемой женской зависти. Но ирония Вэня вовремя разрядила обстановку.

— Рис с пармезаном? — Лин-на мягко улыбнулась. — Это называется ризотто, господин Вэнь. Прекрасный пример того, как западная кулинария берёт восточную основу и создает шедевр. Италия встречает Азию в одной тарелке. И я искренне надеюсь, что наш проект станет таким же гармоничным союзом.

Глава делегации одобрительно рассмеялся:

— Умная женщина. Уважаю.

Пока Тэ-хён ровным голосом транслировал эту пикировку, третий участник китайской стороны — молодой Лу Цзяньвэнь — молча поправил очки и открыл увесистую папку, сигнализируя, что лимит любезностей исчерпан.

Перед тем как погрузиться в бумаги, Цзяньвэнь на секунду задержал взгляд на Лин-не. В этом жесте не было пошлости или открытого вызова — парень изучал её сосредоточенно и цепко, как смотрят на опасного оппонента, способного переписать правила игры.

И в этот момент в груди Тэ-хёна что-то болезненно дёрнулось. Резко, глухо — будто кто-то невидимый с силой рванул трос из его рук и перетянул его на себя.

Он тут же подавил это секундное малодушие, но тело неохотно слушалось разума. Взгляд Лу Цзяньвэня был слишком точным. Слишком личным. Тэ-хён против воли сравнил себя с молодым китайцем и пришёл к безжалостному выводу: *он — её уровня. А я — нет.*

Это не была банальная ревность. Скорее — острая боль от осознания собственной непричастности к миру больших денег. И в этой боли, конечно, пряталось собственническое чувство. Но злился он не на Лу. Он ревновал Лин-ну к этой высшей лиге, где такие, как Лу Цзяньвэнь, имели законное право стоять с ней в одном ряду, а он, Кан Тэ-хён — оставался лишь блеклой тенью на заднем плане.

В памяти мгновенно всплыли строчки из закрытого досье Чо Тэ-сана: сын партийного функционера, стажировался в США по программе подготовки топ-менеджеров в сфере инвестиций.

Китаец был моложе Тэ-хёна как минимум лет на пять. Хорош собой, одет с европейской безупречностью и обладал редкой для его возраста проницательностью. Если господин Вэнь оценивал гостей сердцем, то Лу Цзяньвэнь опирался на холодный расчёт. Разумеется, он отметил привлекательность Лин-ны, но это было не главное. Цзяньвэнь нахмурился, потому что разгадал её стратегию: от платья в стиле ципао до заученных фраз на путунхуа. Он взвешивал, как этот безупречный камуфляж гостьи из Кореи повлияет на исход сделки.

Господин Вэнь едва заметно кивнул, и официанты бесшумно обновили чай. Воздух снова наполнился густым ароматом жасмина.

Официальная часть завершилась, стороны зафиксировали свои статусы на этой шахматной доске.

— Итак, мы готовы выслушать ваши предложения, — объявил Вэнь, благожелательно глядя на Лин-ну и пряча хитрую улыбку за фарфоровой чашкой.

Лин-на не спеша сделала маленький глоток, отдавая дань изысканному вкусу напитка, и только после этого перешла к сути.

* * *

Подав знак Ким Да-би, Лин-на предложила партнёрам отпечатанную презентацию с графиками и аналитикой. Она детально изложила стратегию развития, раскрыла технологический потенциал «Синджин» и обозначила ожидания от союза. Лин-на не просто диктовала условия — она искусно вплетала их в восточную философию взаимного уважения, рассуждая о долгосрочном партнёрстве и синергии.

Но Лу Цзяньвэнь не поддавался на лирику. Он мыслил цифрами, фактами и операционными рисками — без всяких цитат из Конфуция. Его вопросы, которые Тэ-хён методично переводил на корейский, звучали как выстрелы:

— Ваша маржа — двенадцать процентов. Наша — восемнадцать. С какой стати мы должны брать на себя издержки?

— Старт «Горизонта-1» уже затянули на шесть месяцев. Чья это зона ответственности при срыве графиков — ваша или наша?

— Обязательства по поставкам компонентов не подкреплены резервным соглашением. Возникает кассовый разрыв. Почему мы должны его страховать?

— За последние два квартала ликвидность «Синджин» упала на двадцать три процента. Каковы ваши гарантии при форс-мажоре?

Лин-на держала удар. Тэ-хён транслировал её ответы на путунхуа, но по тончайшим интонациям голоса понимал: она на пределе.

— Господин Лу, мы осознаем ваши опасения, — ровно отбивала она атаки. — Но площадка в Мьянме как раз набирает обороты. Она обеспечит те самые технологические мощности, в которых вы остро нуждаетесь.

— Что касается ликвидности — «Синджин» готов предоставить банковскую гарантию на сто пятьдесят процентов от суммы вложений. Это полностью перекроет любые форс-мажорные риски.

— А по поводу маржи... Мы готовы рассмотреть увеличение вашей доли в проекте до тридцати пяти процентов. При условии, что вы возьмёте на себя часть затрат на R&D.

На этих словах секретарь Чон резко дёрнулся. Тэ-хён перевёл фразу, но краем глаза зафиксировал это движение. На лице старого аппаратчика на мгновение проступил подлинный шок.

Лин-на пошла ва-банк. И она явно выходила за рамки полномочий, выданных Председателем.

Но каждый её аргумент китайцы встречали контрвопросом, каждый компромисс — новым, ещё более жёстким требованием.

Вэнь одобрительно кивал, даже подался вперёд. Казалось, Лин-на его завоёвала. Тэ-хён, стоявший чуть позади, на мгновение ослабил внутренний зажим и механически переводил фразы. Условия «Синджин» виделись ему разумными, даже избыточно щедрыми. Чего ещё они хотят? Как будто им всё мало.

Но Вэнь Гоцзун, старый лис, продолжал благожелательно качать головой и раз за разом уточнял мелкие детали. Тэ-хён вслушивался в его мягкий путунхуа и понимал: старик играет. Каждое вежливое уточнение — точно шип, вонзающийся в уверенность Лин-ны. Китайский чиновник прекрасно помнил, что перед ним европейка, не привыкшая к изматывающей восточной осаде. Он ждал, когда она сорвется. Хотел, чтобы Лин-на сама признала уязвимость своей позиции и расписалась в бессилии. Тогда Вэнь сокрушенно разведёт руками и скажет: «Мы не можем работать с теми, кто не гарантирует результат». И это станет не его отказом, а её капитуляцией.

И Лин-на дрогнула.

— Господин Вэнь, — её голос остался ровным, но Тэ-хён уловил в нём едва заметную нотку раздражения. — Я понимаю вашу осторожность. Но, признаться, вы излишне драматизируете риски. Мы предлагаем прозрачные и взаимовыгодные условия. Вы и сами это прекрасно понимаете. Лучших параметров вам никто на рынке не предложит. Зачем омрачать наметившийся союз недоверием? «Синджин» полностью открыт перед вами.

Тэ-хён перевёл фразу. Господин Вэнь медленно опустил чашку с блюдцем на мрамор стола.

— Доверие строится годами, а рушится в миг, госпожа Леоне, — ответил он, и его путунхуа мгновенно утратил былую мягкость. — И не мы сделали первый шаг к его разрушению. Нет ничего удивительного в том, что, обжёгшись на молоке, мы теперь дуем на воду.

Её пальцы слегка задрожали, сильнее сжимая дорогую ручку. Тэ-хён похолодел. Это был не просто срыв — это было горькое пробуждение. Лин-на наконец осознала: китайцы не проверяют пункты договора. Они целенаправленно ищут благовидный повод для разрыва. И делают это виртуозно, возвращаясь к уже закрытым вопросам. Это была не рутинная проверка. Это была глухая, капканом захлопнувшаяся ловушка. И Лин-на только что в неё попала.

— Я понимаю вас, — ответила Лин-на, стараясь смягчить углы. — Но это совершенно другой проект. И другие люди. Мы с вами строим будущее. Неужели прошлые просчёты станут для нас непреодолимым барьером?

Секретарь Чон метнул на неё короткий взгляд, предостерегая от излишнего напора. Лин-на вовремя сдержала пыл и зашла с козырей:

— Время — самый дефицитный ресурс. И мы с вами им, к сожалению, не располагаем. Если продукт не выйдет на рынок вовремя, эту нишу мгновенно займут тайваньцы вместе с американцами.

Господин Вэнь нахмурился. Агрессивный западный тайм-менеджмент, пусть даже замаскированный под деловую вежливость, пришёлся ему не по нраву.

— Бамбук, растущий на ветру, тянется вверх быстрее всех, — неторопливо произнёс старик, и Тэ-хён безупречно переложил его метафору на корейский. — Он может достичь солнца, но сломается при первом же сильном порыве ветра. Путь к истинной силе кроется в терпении. Река не спешит, но всегда достигает океана. Мы не против скорости, госпожа Леоне. Мы против поспешности, которая рождает ошибки. А они... — он сделал вескую паузу, позволяя словам осесть в тишине зала, — ...они разрушают доверие. Доверие — единственное, что имеет значение после того, как чернила на контракте высохнут.

Тэ-хён бросил цепкий взгляд на главу делегации. В его интонациях сквозила не столько угроза, сколько жёсткое предупреждение: *«Вы один раз нас уже предали. Не вздумайте повторить»*.

Лин-на едва заметно сжала челюсти; Тэ-хён спиной почувствовал, как она внутренне задрожала. Но когда она заговорила снова, в её голосе звенели лишь арктический холод и абсолютная уверенность:

— Господин Вэнь. Мы видим, что ваши требования выходят за рамки стандартного протокола. Поэтому «Синджин» готов рассмотреть дополнительные условия — не как вынужденную уступку, а как инвестицию в долгосрочное партнёрство. Назовите свои скрытые пожелания, и мы их изучим. Но суть проекта останется неизменной. «Горизонт-2» — это не просто коммерческая сделка. Это стратегический альянс. И мы не станем разменивать его на сиюминутные выгоды.

В этот момент Лу Цзяньвэнь, до сих пор хранивший молчание, бесшумно склонился к господину Вэню и что-то быстро зашептал ему на ухо.

Вэнь выслушал помощника, помедлил и заговорил вновь:

— Госпожа Леоне... Предложение «Синджин» звучит достойно. Но простите мне излишне прямой вопрос. До Пекина доходят тревожные слухи, будто господин Председатель

медлит с официальным назначением преемника. А ведь глава вашей корпорации далеко не молод. Подобное безвластие создает опасную двусмысленность на рынке. Никто в финансовом мире не понимает, чего завтра ждать от нового руководства «Синджин Групп».

Старик сделал многозначительную паузу, заглядывая Лин-не в глаза.

— Как мы можем связывать себя долгосрочными обязательствами с компанией, чья глобальная стратегия зависит от здоровья одного человека? Или от... импульсивных решений его последователей?

Тэ-хён считал путунхуа с губ Вэня на лету. Зная смысл фразы заранее, он перестал слушать бубнеж китайского переводчика и полностью переключил внимание на Лин-ну.

Она сидела абсолютно неподвижно, уставившись в одну точку перед собой. Казалось, её взгляд пробивал мраморную стену зала и уходил куда-то далеко — туда, где дышал Сеул, бушевали интриги Совета директоров и рушился контроль над ситуацией, который она так тщательно выстраивала.

Лин-на перестала крутить в пальцах ручку. Медленно, с ювелирной аккуратностью опустила её на поверхность стола, словно боялась, что от любого неосторожного звука этот зал взлетит на воздух.

Рядом беззвучно подобрался секретарь Чон. Атмосфера вокруг корейской делегации мгновенно сгустилась до состояния маслянистого вакуума. Все присутствующие понимали: это больше не дипломатическое прощупывание. Это был прямой, хладнокровный удар в самое сердце «Синджин».

Все понимали, что рано или поздно слухи об отсутствии преемника в «Синджин Групп» выплывут наружу. Но никто не ожидал, что это случится так скоро. И уж точно никто не думал, что китайцы заговорят об этом настолько прямо — отбросив намёки, философские притчи и восточную обтекаемость. Они просто выложили карты на стол и сказали: «Мы вам не верим».

Лин-на сделала глубокий, беззвучный вдох. Когда она заговорила, её голос звучал чуть ниже обычного — она сознательно опустила тон, заставляя зал вслушиваться в каждое слово.

— Господин Вэнь, — начала Лин-на, не отрывая взгляда от лица главы делегации. — Вы правы. Вопрос преемственности — один из самых чувствительных для любого технологического гиганта. Особенно для «Синджин», чья репутация строилась на принципах стабильности и долгосрочного стратегического видения.

Она сделала выверенную паузу. Тэ-хён безупречно перевёл эту вводную часть, намеренно отделяя её от последующих тезисов. В зале воцарился абсолютный вакуум. Все замерли в ожидании главного удара.

— Но позвольте мне расставить акценты, — продолжила она. — «Синджин Групп» — это не просто один человек. Это отлаженная система. Это корпоративная культура и тысячи профессионалов, которые десятилетиями возводили этот фундамент. Да, господин Председатель — центральная фигура нашего конгломерата. Но именно потому, что он великий стратег, а не диктатор, Чжин До-джун никогда не допустил бы, чтобы будущее империи зависело от случайного настроения, внезапной болезни или одного дня.

Её пальцы твёрдо легли на край папки — не нервное движение, а жест абсолютного контроля. Внутренний маркер уверенности.

— Что касается наследников... — она едва заметно снизила темп речи, чеканя каждое слово. — Внутри корпорации уже много лет действует закрытая программа подготовки следующего поколения лидеров. Не одного человека, а монолитной команды. И в этот круг входят не только члены семьи Чжин. В него допущены те, кто делом доказал преданность интересам компании, а не просто получил статус по праву рождения.

Лин-на позволила себе тень улыбки — холодной, деловой.

— Вы упомянули импульсивные решения, — Лин-на сделала изящный пасс ладонью. — Я понимаю вашу обеспокоенность. Но позвольте напомнить: за последние пять лет «Синджин»

ни разу не сорвал ни одного долгосрочного соглашения. Ни с кем. Ни при каких обстоятельствах. Даже когда это приносило колоссальные убытки в краткосрочной перспективе. Потому что для нас слово — это не просто декларация намерений. Это нерушимое обязательство.

На те секунды, пока Тэ-хён транслировал её чеканные фразы на путунхуа, она перевела взгляд на него. Встретилась с ним глазами, точно искала молчаливую поддержку в его голосе, а затем снова зафиксировала господина Вэня.

— Мы не просим вас слепо верить в одну личность, — продолжала она. — Мы предлагаем довериться системе, которую этот человек выстроил. И которая продолжит функционировать без сбоев — независимо от того, кто завтра займет кресло Председателя. Кресло — лишь символ. Суть всегда кроется в людях. В том, что мы уже успели построить вместе.

В этот момент в диалог бесцеремонно вклинилась госпожа Хуан. Её путунхуа звучал безупречно вежливо, но лёд в нём был куда тоньше и опаснее, чем у начальника.

— Простите, госпожа Леоне, — отчеканила она, — но позвольте вернуться к вашему тезису о том, что «Синджин» — это система. Если это так, почему ваша система позволила себе нагло переманить одного из наших ведущих инженеров? И не просто переманить, а через прямой кулуарный контакт с руководством вашей дочерней структуры в Сингапуре?

Хуан сделала паузу, давая обвинениям упасть на мрамор стола подобно тяжёлым камням.

— Это не индивидуальный выбор специалиста. Это спланированный сигнал. А сигналы в нашем мире весят больше любых слов.

Лин-на не дрогнула, сохранив каменное выражение лица. Однако Тэ-хён, переводивший этот ядовитый выпад, заметил, как у неё на шее часто запульсировала жилка. Ошибка Чжин Пон-джуна продолжала аукаться им даже в Гонконге. Тэ-хён прекрасно помнил из досье Чо Тэ-сана, что тот скандал с инженером в своё время замяли втихую и с огромным трудом — исключительно по личной просьбе самого разработчика, боявшегося мести Пекина.

— Я понимаю вашу чувствительность к этому вопросу, госпожа Хуан, — Лин-на перевела на неё прямой взгляд. — Но позвольте прояснить: «Синджин» не вёл никаких сепаратных переговоров с вашим сотрудником до тех пор, пока он официально не подал заявление об уходе. Мы не нарушили ни единого пункта меморандума о конфиденциальности.

— И тем не менее, вы приняли его в штат, — беспардонно перебила Хуан. — В тот же день.

— Потому что он — уникальный талант, — ответила Лин-на с абсолютным спокойствием. — А таланты имеют суверенное право выбирать, где им работать. Даже если этот выбор приносит боль тем, кто их теряет.

Китайский переводчик, откровенно нервничая под тяжёлым взглядом Хуан, начал перекладывать фразу на путунхуа. Допустив фатальную ошибку, вместо «талант имеет право выбирать» он испуганно произнёс: «талант всегда уходит от слабого лидера».

В зале мгновенно замерло всё, включая время.

Тэ-хён резко вскинул голову.

— Простите, — холодно вмешался он по-английски, чтобы исключить вероятность повторной ошибки из-за языкового барьера. — Это грубое и опасное искажение. В оригинале прозвучало: «таланты имеют право выбирать». Никаких оценок чьего-либо лидерства госпожа Леоне не давала.

Все присутствующие разом развернулись к нему. Воздух в переговорной зазвенел от напряжения. Китайский переводчик мгновенно побледнел до синевы. Господин Вэнь грозно нахмурился, а госпожа Хуан вспыхнула от ярости — похоже, парень невольно выдал фразу, которую они сами ядовито шептали на закрытых совещаниях в Пекине.

И только Лу Цзяньвэнь едва заметно, одними уголками губ, усмехнулся. Он поднял глаза и посмотрел прямо на Тэ-хёна — уже не как на безликую тень-переводчика, а как на равного игрока, чьё слово только что спасло корейскую делегацию от катастрофы. Его взгляд, острый и

холодный, как скальпель, транслировал одну мысль: *«Я понял гораздо больше, чем вы пытались скрыть»*.

Лин-на сделала вескую паузу. Её голос упал до едва различимого, но пугающе чёткого шепота:

— Не судите о целой системе по одному человеку.

Вэнь слегка наклонил голову — изящный, вежливый, но окончательный отказ. И в этой звенящей тишине Лу Цзяньвэнь вдруг произнёс на безупречном английском:

— Система — это и есть люди, госпожа Леоне. А ваши люди... ненадёжны.

Китаец посмотрел на неё в упор — прямо, без привычной азиатской обходительности, испытывая её взгляд на прочность.

Вэнь Гоцзун медленно откинулся на спинку кресла и убрал руки со стола. Тэ-хён мысленно зафиксировал это движение. Всё. Шлагбаум опустился. На языке восточной дипломатии этот жест означал окончательное закрытие темы.

— Мы благодарим вас за предельную откровенность, — ровно произнёс глава китайской делегации. — Но на данный момент... мы не можем двигаться дальше.

Секретарь Чон рядом с Лин-ной начал нервно, слишком громко перелистывать бумаги. Пак Мин-джу заметно побледнела.

Госпожа Хуан решила нанести финальный, милосердный удар, фальшиво смягчив тон:

— Мы искренне надеемся, что «Синджин» сумеет подыскать подходящего контрагента для своего... столь амбициозного проекта. Далеко не все рынки так требовательны к стабильности, как наш.

Это была уже не протокольная любезность, а изощрённая, завуалированная издёвка. Лин-на наградила китаянку долгим, пронизывающим взглядом, от которого та лишь надменно вздёрнула подбородок.

И в этот момент Ким Да-би, сидевшая у стены на галёрке для персонала, быстро набрала что-то на своем планшете.

Тэ-хён перехватил это движение, а в следующий миг заметил, как экран устройства секретаря Чона бесшумно мигнул входящим сообщением. Секретарь нахмурился, вчитался в строчки и немедленно, развернул дисплей к Лин-не.

Она скользнула глазами по тексту. Тэ-хён напряг зрение, но с его позиции разобрать символы на экране было невозможно. Зато реакция Лин-ны оказалась мгновенной.

Она горько, почти беззвучно усмехнулась. В этой улыбке не было ни обиды, ни паники — только внезапная ясность. Тэ-хён, слишком хорошо изучивший мимику своего объекта, понял без слов: мозаика в её голове сложилась.

На секунду прикрыв глаза, она опустила подбородок, давая себе время собраться с мыслями. Госпожа Хуан ещё что-то продолжала говорить, но её слова уже никого не волновали. Тэ-хён, не отводя взгляда от Лин-ны, мысленно отсчитал вместе с ней десять секунд — ровно столько требовалось, чтобы вернуть ледяной контроль над эмоциями.

— Господин Вэнь, — Лин-на устремила взгляд на главу делегации. — Согласно Конфуцию, отсутствие взаимного уважения неизбежно ведёт к недобросовестности, а в конечном итоге — к предательству. С нашей стороны в прошлом действительно была допущена серьёзная ошибка, и мы нашли в себе силы признать её. Но сегодня «Синджин» пришёл к вам с открытыми и честными намерениями. Мы прекрасно понимаем, что ваш долг — защищать собственные интересы. Но разве не конструктивнее было бы озвучить реальные претензии вслух, вместо того чтобы применять к нам скрытые зеркальные меры? Если вы уже сделали выбор в пользу других игроков — скажите об этом прямо. Не заставляйте нас тратить драгоценное время на иллюзию.

Вэнь Гоцзун замер. Лицо старого лиса на мгновение утратило маску, а затем он медленно улыбнулся — без злобы, скорее с горьким признанием её правоты. Старик едва заметно развёл

руками, капитулируя перед её проницательностью. Проблема была вовсе не в мнимой «ненадёжности» корейцев. Просто правила игры только что изменились, и репутация «Синджин» больше ничего не весила на этих весах.

— Мы глубоко ценим вашу инициативу, — ровно произнёс он, возвращаясь к протокольным формулировкам, — но в текущих условиях Пекин не может принять иное решение. Надеемся вернуться к обсуждению, как только завершится внутреннее согласование.

Китайская делегация синхронно поднялась со своих мест. Молодой Лу Цзяньвэнь, словно подбивая окончательный итог этой встречи, негромко добавил:

— Для нас в приоритете безопасность Китая. Наши шаги не продиктованы личными симпатиями. Они продиктованы обязательствами перед страной, народом и нашим общим будущим. Если альянс с «Синджин» в этот контур не вписывается — мы вынуждены отложить его.

Цзяньвэнь вежливо поклонился Лин-не — не как равный партнёру, а как триумфатор, великодушно позволяющий проигравшему сохранить остатки гордости.

Тэ-хён перевёл последние слова, и китайская делегация бесшумно покинула конференц-зал.

* * *

Лин-на осталась сидеть. Опустив ладони на гладкую поверхность стола, она устало откинулась на спинку кресла. В зале повисла свинцовая тишина. Секретарь Чон и Пак Мин-джу, вставшие было для дежурного протокольного провода китайцев, теперь медленно повернулись к ней.

Чон нервно заложил руки в карманы брюк. Ему явно требовалось сорваться на ком-нибудь прямо сейчас, и его яростный взгляд предсказуемо остановился на Тэ-хёне.

— Ты хоть понимаешь, что наделал? — голос Чона вибрировал от сдерживаемого бешенства. — Ты не имел права открывать рот! Поставил под удар не только себя — ты рисковал судьбой всего контракта. Твоё вмешательство было недопустимо. Запомни: в Китае правда без формы — это не правда. Здесь идёт не допрос. Здесь побеждает не тот, кто точен, а тот, кто терпелив.

Тэ-хён промолчал, смиренно опустив голову и по-армейски вытянув руки по швам. Кулаки сжались сами собой. Он и сам понимал: инстинкты телохранителя сработали быстрее разума, он поступил непрофессионально. Но что вообще значило слово «профессия» в его нынешнем статусе? Его никогда не учили тонкостям дипломатии. Потолок его лингвистической практики в спецназе действительно ограничивался жёсткими рамками допросов.

— Довольно, — резко оборвала Лин-на. — Какая теперь разница, что именно послужило детонатором?

Тэ-хён украдкой взглянул на неё. Больше всего на свете он боялся увидеть в её глазах отчаяние или сломленность. Но Лин-на сидела в глубокой задумчивости, ожесточенно нахмурив лоб. Излом её бровей выдавал предельную, болезненную концентрацию. Она даже не удосужилась сделать ему выговор за самовольство. Её разум находился слишком далеко от этой мелкой кулуарной грызни. Это был взгляд человека, который лихорадочно ищет скрытый лаз в глухой стене лабиринта.

— И то верно, — подала голос Пак Мин-джу. — Какая теперь разница, за какой именно довод они зацепились, если финал был предreshён заранее.

Пак Мин-джу повернулась к Да-би:

— Что именно было в твоём сообщении?

Та тяжело вздохнула и зачитала текст прямо с экрана планшета:

— Китайская «Хуа Синь» три дня назад официально запросила у Министерства торговли КНР экспортную лицензию на компоненты, совместимые с архитектурой японской «JNTC». Одобрение заявки ожидается в течение сорока восьми часов.

Пак Мин-джу понимающе кивнула.

— Значит, они уже давно вели переговоры с японцами у нас за спиной. Как-то не слишком красиво с их стороны.

— Не слишком, — согласилась Лин-на. — Но глупо обвинять их в вероломстве после того, что натворили мы сами. Ничего личного. Бизнес есть бизнес.

— Они нас переиграли, — глухо процедил Чон. — И виртуозно использовали наши слабые места.

Лин-на промолчала. По всем правилам протокола корейской делегации следовало немедленно покинуть зал, но она не двигалась с места.

— О провале необходимо срочно доложить Председателю, — подал голос Чон, явно намекая, что Лин-на должна сделать этот тяжёлый звонок сама.

Его поспешное рвение с отчётом Тэ-хёну категорически не понравилось. От исхода этой поездки зависело будущее Лин-ны в конгломерате, вот только в крахе переговоров не было ни грамма её вины — на неё просто обрушилась лавина чужих прошлых ошибок.

— Да, вы абсолютно правы! — Лин-на внезапно вышла из оцепенения и перевела на секретаря взгляд. — Немедленно отправляйтесь в Сеул. Вы вылетите ближайшим рейсом и лично доложите Председателю о деталях нашей встречи.

Тэ-хёну на мгновение показалось, что она издевается. Даже сам Чон на секунду опешил, застыв в нерешительности. Но на лице Лин-ны не было ни намёка на иронию.

— Не пытайтесь переложить на меня вашу личную ответственность, госпожа Лин-на, — возмутился Чон, сразу почуяв тактический подвох.

— Мы не станем обсуждать информацию такой стратегической важности по открытым каналам связи, — спокойно парировала Лин-на. — Председатель обязан узнать каждый нюанс из первых уст. И сделать это должны именно вы.

— А как же вы? — Чон прищурился.

— А я останусь в Гонконге. И попробую найти другой выход.

— Какие тут могут быть выходы? — вмешалась Пак Мин-джу, и её обычно спокойный голос сорвался на скрипучие ноты. — Это чистый провал. Нам недвусмысленно дали понять: дел с нами иметь не желают.

— Вы невнимательно слушали, госпожа Пак, — ледяным тоном поправила её Лин-на. — Официального отказа не было. Переговоры *отложены*. Их просто заморозили на время.

— И всё равно это катастрофа для «Синджин», — не уступала Мин-джу. — Без китайских мощностей «Горизонт-2» мёртв. Даже если конгломерат запустит его в одиночку, мы критически опоздаем. Выходить на рынок вслед за американцами — бессмысленно. На что вы вообще надеетесь? Китайцы просто тянут время, дожидаясь отмашки от японцев.

— Когда цель кажется недостижимой, не меняют цель. Меняют план, — отчеканила Лин-на. — У Пекина тоже дефицит времени. Без корейских патентов и наработок им не совершить рывок. А японцы... Ещё большой вопрос, согласятся ли они на их условия.

Она резко поднялась с кресла. Решительным, резким жестом поправила винное ципао — точно одёрнула полевую форму перед строем.

— Госпожа Пак, готовьтесь к вылету в Сеул вместе с секретарем Чоном. Как только ситуация прояснится, я вас вызову. Вечером я свяжусь с Председателем и обосную необходимость моего присутствия здесь. Со мной в Гонконге остаётся Ким Да-би. Этого штата пока достаточно.

— Я тоже останусь с вами, — быстро, не давая ей возразить, произнёс Тэ-хён.

Лин-на метнула в него колючий взгляд, в котором отчётливо читалось: *«С каких это пор ты сам решаешь, где тебе находиться, господин Кан?»*

Но неожиданно на его сторону встал Чон. Старый лис с искренней заботой произнёс:

— Пожалуй, это разумно. Госпоже Лин-не в любом случае понадобится переводчик.

Тэ-хён внутренне напрягся. Чон не заботился о Лин-не — он просто оставлял при ней шпиона, рассчитывая, что «человек Председателя» станет фиксировать каждый её неофициальный шаг. Лин-на, похоже, тоже разгадала эту подачу. Она криво, с явным усилием усмехнулась, окинула Тэ-хёна долгим, нечитаемым взглядом, но спорить со старым чиновником не стала.

— Как скажете, — сухо бросила она и первой направилась к выходу из конференц-зала.

* * *

Тэ-хён предполагал, что после сокрушительного краха Лин-на предпочтёт запереться в номере. Однако после обеда, едва они вернулись в отель, она отказалась подниматься на свой этаж. Сухо пожелав Мин-джу и Чону доброго отдыха, она уверенно вышла на четвертом уровне — там, где в этот момент вовсю шумел международный финансовый форум, чей рекламный баннер Тэ-хён приметил ещё во время регистрации в вестибюле.

Тэ-хён решительно шагнул следом, на ходу натягивая на лицо обязательную медицинскую маску.

— Вас настолько интересуют дебаты инвесторов? — насмешливо спросила Лин-на, заметив его тень в зеркальном холле. — Или вы внезапно решили изучить азиатские рынки для личных вложений?

В гуле переполненного фойе ей пришлось слегка повысить голос.

— Меня интересует исключительно ваша безопасность, — честно ответил он, сохраняя бесстрастную интонацию клерка.

— Могли бы так открыто не афишировать, что следите за мной, — фыркнула она и направилась к стойке регистрации участников.

У входа в переговорную зону дежурил секьюрити с планшетом. Тэ-хён на миг замер, просчитывая риски, но Лин-на уже привычным жестом вывела на экран смартфона зелёный QR-код ковид-теста. В Сеуле подобные санитарные кордоны давно превратились в обыденность, но здесь, в Гонконге образца лета двадцать второго года, медицинский контроль выглядел в разы жёстче. Приходилось подстраиваться под суровые местные правила.

— Лина Леоне, — представилась она сотруднику за стойкой на безупречном английском. — Я регистрировалась вчера в качестве независимого эксперта.

Она дождалась, пока распорядитель сверится с цифровой базой, выдаст ей именной бейдж с программкой форума, и двинулась напрямик к дверям конференц-холла. Тэ-хён тенью следовал за её плечом, сделав себе пометку: «Лина Леоне — её официальное имя».

Охранник у дверей тут же выставил перед Тэ-хёном руку, преграждая путь.

— Это мой личный ассистент, — бросила Лин-на портье показывая бейдж.

Этого короткого приказа оказалось достаточно. Контролер мгновенно убрал руку и отступил, пропуская Тэ-хёна внутрь.

В зале царил полумрак. На удивление, людей внутри оказалось немного, но вовсе не из-за низкой популярности форума. Стулья были расставлены на безопасном расстоянии в полтора метра друг от друга, а редкие посетители сидели в масках — жёсткое требование эпохи ограничений. Подавляющая часть аудитории наблюдала за спикерами через закрытые онлайн-трансляции.

Лин-на отыскала свободное кресло в одном из задних рядов, и села в густой тени. Тэ-хён занял позицию у прохода, чуть позади, откуда мог беспрепятственно держать её в поле зрения.

«Казалось бы... — размышлял он, не сводя с неё глаз. — Лин-на... Или теперь правильнее называть её госпожой Леоне? После такого оглушительного фиаско ей следовало бы метаться, обрывать телефоны Сеула, требовать отчётов. А она просто сидит, словно безучастно наблюдает за чужой жизнью».

В какой-то момент ему даже почудилось, будто она просто отдыхает — нашла укрытие в гуле чужих голосов, как будто так ей было проще поймать внутреннюю тишину. До Тэ-хёна

доносились обрывки докладов на английском. Лин-на иногда едва заметно кивала, словно мысленно спорила со спикерами или соглашалась с ними. Но, в отличие от остальных участников — преимущественно мужчин, — не стремилась демонстрировать свою вовлечённость.

Лин-на окончательно выпрямилась и устремила сфокусированный взгляд на сцену лишь однажды — когда к трибуне вышел высокий немолодой мужчина в безупречном чёрном костюме-тройке. Он сдержанно приветствовал зал и медленно окинул полупустые ряды цепким, сканирующим взглядом. Словно выискивал в этом полумраке конкретного человека, которому и собирался адресовать всё то, что сейчас скажет.

Этого человека в зале знали и, судя по оживлению, его доклада ждали больше всего. Вопросы посыпались сразу — о долгосрочных прогнозах, скрытых рисках и макроэкономических стратегиях. Он отвечал скупой, цедя слова. Некоторые реплики встречал с откровенным пренебрежением: «Вы сами знаете ответ. А если не способны додуматься — объяснять не имеет смысла».

Складывалось странное впечатление, что ему здесь не место. И вовсе не потому, что он уступал собравшимся в экспертности. Скорее, этот человек слишком много знал, но категорически не желал делиться опытом, предпочитая, чтобы каждый проделал путь до его выводов самостоятельно. Его взгляд не вдохновлял — он гасил. Не вызывал доверия, а заставлял насторожиться.

Тэ-хён пристально разглядывал его безупречный костюм, чёрные глаза, в которых тлело скрытое пламя, и хищные линии породистого лица. И ему внезапно стало не по себе.

«Этот тип видит перед собой исключительно цифры, — пришёл он к безжалостному выводу. — Живые люди для него — пустые ячейки в таблице. Их судьбы его не касаются».

Так почему же Лин-на так им заинтересовалась? Деньги?

Спикер на сцене явно привык жонглировать миллиардами, как уличный фокусник — мячами. Это придавало ему харизму, но не ту, что влечёт и очаровывает. Магнетизм был гипнотическим, почти зловещим. Словно этот человек явился не с легального финансового рынка, а из совершенно иного теневого пространства. Где совесть считается непозволительной роскошью, а голый математический расчёт — единственным законом.

И на этого человека Лин-на смотрела не отрываясь. Но в её взгляде не было ни девичьего восхищения, ни трепета перед кумиром. Она изучала его с холодной, прагматичной точностью. И Тэ-хён окончательно убедился: она его знает.

* * *

После завершения сессии, когда зал начал пустеть, Лин-на направилась к выходу. Она встала чуть в стороне от основного потока людей — не преграждая дорогу, но так, чтобы гарантированно попасть в поле зрения спикера. Словно заявляя о своём присутствии, она плавным движением сняла медицинскую маску.

Тэ-хён привычно смешался с толпой в холле, не упуская её из виду ни на секунду.

— Мистер Джиротти! — послышались нетерпеливые возгласы у дверей.

Репортеры и молодые аналитики пытались перехватить итальянца на ходу, выкрикивая вопросы о прогнозах по азиатским рынкам. Джиротти реагировал выборочно, демонстративно игнорируя большинство из них. Вскоре подросла служба безопасности форума, вежливо, но непреклонно раздвинув санитарную дистанцию и расчистив коридор.

Финансист свободно вздохнул. Осмотрелся по сторонам, коротко кивнул кому-то из организаторов и на мгновение замер, словно решая, куда двигаться дальше.

И в этот переломный момент к нему шагнула Лин-на.

— Мистер Джиротти, — произнесла она на безупречном английском, протягивая именную карточку. — Ваше выступление было... впечатляющим. Не уделите мне пару минут?

Тонкие губы итальянца едва заметно дрогнули. Тэ-хён готов был поклясться: в антрацитовых глазах этого человека на долю секунды вспыхнули тёплые искорки. Словно среди чужого, душного мегаполиса он внезапно встретил близкого друга.

— Вы из прессы? — спросил Джиротти. Его голос прозвучал сухо и отстраненно, будто дежурные слова существовали отдельно от его реальных мыслей. — Я не даю интервью журналистам.

Лин-на едва заметно кивнула, указывая глазами на плотную карточку в своей руке:

— Я представляю интересы крупного азиатского конгломерата.

Джиротти принял визитку двумя пальцами — аккуратно, словно хирург, извлекающий пулю пинцетом. Внимательно изучил её. Одобрительно качнул головой.

— У меня есть предложение получше, сеньора Леоне, — произнёс он, и в его английском проступил едва уловимый, мягкий итальянский акцент.

Он достал из внутреннего кармана пиджака собственную карточку, быстро черкнул что-то ручкой на обороте и протянул Лин-не.

— Буду рад встрече.

Короткий, почтительный наклон головы — и финансист скрылся в VIP-коридоре в сопровождении телохранителей.

Лин-на осталась стоять посреди пустеющего холла.

Тэ-хён бесшумно вырос за её плечом. Кулаки в карманах брюк зудели от бешеного прилива адреналина, а к горлу подкатывала тошнотворная, душная мужская злость. Прямо у него на глазах разыгралась сцена, от которой внутри всё переворачивалось.

— Вы позволите этому... иностранцу так с вами разговаривать? — его голос, обычно безупречно ровный, сейчас прозвучал опасно, с едва контролируемой хрипотцой. — Кто он такой, чтобы снисходительно хлопать вас по плечу?

Лин-на даже не повернула головы. Она продолжала смотреть на закрывшиеся двери VIP-зоны, бережно пряча в руке карточку, которую Джиротти только что всучил ей, точно чаевые за ужин.

— Вы не понимаете, о чём говорите, господин Кан, — её тон мгновенно вернулся к ледяному, официальному регистру. На Тэ-хёна пахнуло высокомерием исполнительного советника.

— Я прекрасно вижу, что произошло, — процедил Тэ-хён, едва сдерживаясь, чтобы не вырвать у неё этот кусок дорогой бумаги. — Этот тип ведёт себя как хозяин вселенной, решивший осчастливить своим вниманием случайную просительницу. Вы же Лин-на! Исполнительный советник конгломерата! А не восторженная фанатка... Тьфу. Противно смотреть. Вы выглядите как девчонка-практикантка, которая караулит кумира у чёрного входа в надежде на автограф. А он просто позвал вас «на ужин», оценив внешность. Что он может вам дать? Думаете его советы помогут вам вернуть контракт с китайцами?

Лин-на наконец развернулась к нему. На её лице не отразилось ни капли смущения или вины — только безжалостное раздражение человека, чьи личные границы нагло нарушил подчинённый. Она посмотрела на Тэ-хёна так, словно между ними пролегла бездна в тысячу световых лет.

— Вернитесь в рамки своих должностных обязанностей, господин Кан, — отчеканила она, и её голос зазвенел арктической стужей. — Мои личные контакты и методы ведения дел вас не касаются. Ваша задача — переводить путунхуа. Всё остальное — за пределами вашей компетенции.

Она плавным движением опустила визитку Джиротти в сумочку, развернулась на каблучках и направилась к лифтам.

Тэ-хён остался стоять посреди пустеющего холла. В груди пекло от унижения и ярости. Он чувствовал себя дураком. Он-то думал, что охраняет особенную, недостижимую женщину,

а оказалось, что мир больших денег ломает даже её, заставляя играть по своим грязным правилам.

Глава 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.